

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2003 г.

Сюань-цзан

ДА ТАН СИ ЮЙ ЦЗИ

ЗАПИСКИ О ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ,
СОСТАВЛЕННЫЕ В ПРАВЛЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ДИНАСТИИ ТАН
(ИЗ ЦЗЮАНЕЙ II–III)

Вступительная статья, перевод с китайского и комментарии
Н.В. Александровой

ГАНДХАРА – КАШМИР В «ЗАПИСКАХ» СЮАНЬ-ЦЗАНА*

Путь китайского паломника Сюань-цзана от Гандхары до Кашмира – так, как он представлен в его описании, в тексте «Да Тан си юй цзи» (VII в.), – интересен с разных точек зрения. С точки зрения описываемой реальности – это территории Северо-Западной Индии с ее сложной картиной истории и культуры, связанной с географическим положением «на входе» в Индию извне; с точки зрения развития текста паломника – это начало описания Индии, где закладываются основы авторского подхода и впервые выражено его видение Индии. Кроме того, встают вопросы – довольно головомные – о соотношении маршрута паломника по тексту и его реального пути.

С точки зрения конкретного историко-географического материала этот отрезок пути паломника привлекал внимание исследователей с самого начала научных работ по тексту Сюань-цзана. Среди многих таких исследований можно упомянуть деятельность А. Каннингэма, прошедшего значительную часть этой части маршрута¹; А. Фуше, обошедшего все примечательные места Гандхары, отмеченные

* В настоящей статье ввиду того, что в китайском тексте по-разному переданы санскритские термины, даются следующие сокращения: тр. – транскрипция, к. – калька, санс. – санскрит.

¹ *Cunningham A. Ancient Geography of India. Calcutta, 1924.*

Сюань-цзаном², а также археологические работы 1908–1909 гг. (Д. Спунер) – раскопки ступы Канишки, начатые в значительной мере под впечатлением обследований А. Фуше и проводившиеся при постоянном обращении к тексту Сюань-цзана³. Так, известный реликварий с рельефным изображением и надписью, обнаруженный в этой ступе, как и место закладки шурфа, были найдены благодаря тексту «Записок»⁴.

Однако столь ясный «адрес» памятника в записках Сюань-цзана выявляется далеко не всегда; уже А. Фуше, передвигавшемуся по Гандхаре по следам Сюань-цзана, приходилось постоянно решать запутанную проблему расстояний и направлений пути, что ставило под сомнение большинство его отождествлений. Более того, именно на этом участке пути проблематично само восстановление по карте маршрута следования паломника от одной страны к другой.

По тексту, Сюань-цзан передвигался в последовательности: Гандхара – Удьяна – Дарел – *Болуло*, затем возвратился на юг к восточной границе Гандхары, переправился через Инд и направился в Такшашилу, а оттуда – в Симхапуру – Урасу – Кашмир. Если принять эту последовательность за реальный маршрут, то возникают недоумения, главным образом после Такшашилы, когда движение происходит в направлении на юго-восток (700 ли), и паломник попадает в «страну Симхапуру», затем движется опять на юго-восток (200 ли и 500 ли), прибывает в «страну *Улаши*», и оттуда снова следует на юго-восток (1000 ли) «до Кашмира». Понятно, что, идя от Таксилы на юго-восток, никак не попасть в Кашмир, и, преодолев в этом направлении указанное расстояние – около 400 км, путник будет удаляться от Кашмира и придет в Пенджаб.

В связи с этим возникает, во-первых, проблема расположения «страны Симхапуры». Держась текста Сюань-цзана, А. Каннингэм искал ее на юго-востоке от Таксилы, таким образом, отсчитав соответствующее расстояние и имея в виду, что «столица» стоит в горах, он поместил ее у Соляного хребта, к югу от Чаквала⁵. Для того же, чтобы дальнейший путь привел тем не менее в Кашмир, автор предположил, что в тексте здесь имеется ошибка – стоит «юго-восток» вместо «северо-восток». Однако при таком предположении неувязок становится не меньше – чтобы попасть от указанного места в «страну *Улаши*», которая вполне удачно отождествляется с *Varsa* Птолемея⁶ и *Urasa* у Панини (IV. 154), необходимо идти, во-первых, на север, во-вторых, гораздо дальше по расстоянию. Кроме того, настораживает «холодный» образ «страны Симхапуры» у Сюань-цзана – «климат холодный, жители нрава сурового» и высокие горы, окружающие город – «обрывистые горы, как стены, защищают ее»⁷. Совершенно бессмысленным становится и рассказ о дальнейшем пути из Симхапуры – «по направлению к северной границе» Такшашилы (когда путник находится к юго-востоку от Такшашилы), и главное, он переправляется через Инд (подойдя к нему с юго-востока) и следует далее на юго-восток 200 ли⁸, что уже совершенно невозможно.

Можно следовать иной логике и «отсчитывать» Симхапуру в обратном направлении – от Кашмира, тем более что расположение «Кашмира» у него вполне определено: если оттуда, идя на юго-запад 700 ли, он попадает в Пунч (*Баньнуцо*)⁹, то действительно, пребывая в Кашмире, он находился в районе Сринагагара, с чем согласуется и рассказ об озере, в котором живет нага¹⁰. Если рассуждать таким образом,

² Foucher A. Note sur l'itinéraire de Hiuen-Tsang du Gandhara // Congrès international des orientalistes. P., 1897; *idem*. Notes sur la géographie ancienne du Gandhara. Hanoi, 1902.

³ Spooner D.B. Excavations at Shāh-jī-ki-dhēn // ASI. 1908–1909.

⁴ *Ibid.* P. 48–49.

⁵ Cunningham. Op. cit. P. 105–106.

⁶ *Ibid.* P. 87.

⁷ Сюань-цзан. Да Тан си юй цзи. Пекин, 1955. С. 131.

⁸ Там же. С. 132.

⁹ Там же. С. 149.

¹⁰ Там же. С. 135.

то Улаши локализуется на северо-западе от Кашмира, в районе Мансехры – как ее изначально и располагали¹¹, а Симхапуру надо искать к северо-западу от последней. Таким образом, при отсчете (по тексту) от Такшашилы Симхапура помещается далеко не там, где ее следует искать при отсчете (также по тексту) в обратном направлении от Кашмира. Причем, если принять второй вариант, то путешественник оказывается именно вблизи тех мест, откуда, нарушив направление своего маршрута, он возвращается – по тексту – в Удакабханду для того, чтобы перейти Инд и пойти в Такшашилу. Следовательно, именно путешествие в Такшашилу выбивается из логичной последовательности маршрута. Объяснить эту ситуацию можно по-разному: либо при составлении окончательного текста была нарушена последовательность прохождения стран (путешествие длилось долго – шестнадцать лет), и, возможно, Сюань-цзан ходил в Такшашилу при первом посещении Удакабханды, либо его обычное слово *чжи* («доходить», «достигать»), обозначающее в тексте переход от одной «страны» к другой, надо понимать как «дойдешь», «можно дойти», что вполне допускает вэньянь. Именно таково в тексте Фа-сяня употребление слова *дао*, появляющегося в той же позиции и в том же смысле, причем проблема его понимания возникает именно в случае Такшашилы, где он совершенно точно не был и дал описание по рассказам¹².

Данное рассмотрение имеет значение не столько для того, чтобы подвергнуть сомнению историко-географические выводы, которые делаются по тексту Сюань-цзана, сколько подчеркнуть необходимость прежде всего текстологического подхода к его сочинению при стремлении почерпнуть из него сведения пусть даже самого конкретного характера. Нам приходилось уже говорить о том, насколько обусловлены разными неочевидными для современного читателя обстоятельствами данные Сюань-цзана о конкретных вещах – о природе стран, которые он посетил, о климате, о числе монастырей и т.п.¹³ Эта обусловленность в первую очередь связана с общей парадигмой источника – текста, выражающего пространственные представления буддиста-паломника; конкретные «сведения» у него вписаны в целостную картину географического пространства «буддийского мира», должны служить подтверждением его законов и составлять непротиворечивое единство. Не случайно обращающийся к тексту Сюань-цзана исследователь обычно неудовлетворен его сведениями, главным образом сведениями этнографического характера, которые у этого автора, обошедшего столько стран и задавшегося целью составить путевые записки, тем не менее крайне скудны и предвзяты (что можно проследить и в предлагаемом здесь фрагменте). Это обстоятельство также побуждает в первую очередь оценить подход автора к тексту в целом, и в результате такого рассмотрения вырисовывается образ автора-книжника, ориентирующего свое сочинение главным образом на текстовую традицию – и в манере повествования, и в композиции, и в системе выражаемых здесь представлений.

Сказанное в значительной мере касается и другой темы, которую хотелось бы затронуть в связи с данным фрагментом его повествования, отражающим путь от Гандхары до Кашмира. Речь идет о многочисленных буддийских преданиях, занимающих здесь наибольшую часть текста. Выбор пересказываемых сюжетов также обусловлен общими установками автора, контекстом всего сочинения и той ролью, которую данные сюжеты должны играть именно в этой части текста, описывающей «страны» северо-Западной Индии. Вхождение в пределы этих территорий для паломника означало вхождение в собственно Индию – страну, представляющую собой цель его путешествия, поскольку здесь, на этой земле разворачиваются события предания, связанного с жизнью Будды. Соответственно выстраивается и ряд повест-

¹¹ *Cunningham*. Op. cit. P. 87–88.

¹² Самозванцева (Александрова) Н.В. Исторические сведения об Индии в записках Фа-сяня и Сюань-цзана // ВДИ. 1991. № 2. С. 156–157.

¹³ Там же. С. 153–155.

вованний, занявших свое место в этой части его сочинения: они отражают события предания, которые являются как бы ответвлениями тех сюжетов, чье основное развитие состоится уже при приближении к сакральному центру пространства «буддийского мира» – к месту жизни Будды. Текст построен таким образом, что развитие того или иного сюжета происходит для читателя не при последовательном чтении, а при восприятии текста как бы целиком, исходя из центра, который в данном случае еще далеко впереди.

Так, одно из преданий, связанных с этими областями, – «Куналавадана», пересказываемая автором в главе о Такшашиле, – продолжает те части «Дивьяваданы», которые будут рассказаны в связи с посещением Паталипутры. Встречи с многочисленными «ступами Ашоки», попадавшимися на пути паломника на этих территориях, осмысляются в контексте «Дивьяваданы» (главы «Памсупрадана»), повествующей о разделении мощей Будды Ашокой: каждая ступа, приписываемая им Ашоке, служит свидетельством предания о строительстве ступ «по всему свету» этим царем-чакравартином и присутствия «тела Будды» на этой земле. Последнее обстоятельство служит серьезным связующим звеном между темой развития предания в тексте Сюань-цзана и его передвижением по выбранному пути – пути реальному и пути-тексту, поскольку принадлежность этих территорий к ареалу распространения «ступ Ашоки» определяет их значимость для паломника и географа-буддиста, соответственно здесь выстраивается и ряд повествований, отражающий буддийское предание.

Таково же место в общей композиции текста и рассказа о юноше-шакье – основателе династии царей Удьяны (история изгнания четырех шакьев из Капилавасту подробно излагается Сюань-цзаном в VI цзюане) и его потомке Уттарасене, получившем долю мощей Будды. Здесь прослеживаются отголоски «Махапаринирванасутры», основной пересказ содержания которой также еще предстоит впереди. Однако основная специфика содержания повествований, рассказываемых в этой части текста, связана с джатаками и с циклом преданий о Канишке. Практически все сюжеты джатак у Сюань-цзана локализируются в Удьяне и Такшашиле; ступы, связанные с событиями прежних перерождений Будды, постоянно отмечаются здесь и Фа-сянем, который даже само название Такшашилы связывает с джатакой об отсечении головы, читая здесь, видимо, *śiras* – что следует из контекста¹⁴. Джатака об отсечении головы соотносится с текстом «Дивьяваданы» (XXXII)¹⁵, которая может прояснить текст Сюань-цзана и где бодхисаттва предстает в образе царя Чандрапрабхи. Таков же – вскользя, без приведения имен – намек на на джатаку о царе Шиби, отдавшем свои глаза (палийские джатаки № 499, «Джатакамала» II). Такая манера передачи джатак – без пересказа сюжета – характерна для Сюань-цзана, который предполагает знакомство читателя с соответствующей литературой, что еще раз свидетельствует о постоянной ориентации автора на другие тексты. Подразумеваемая им литература может не совпадать с сохранившимися собраниями джатак. Так, джатака о юноше *Sama* находит аналогии в «Махавасту» (XXX) и «Лалитавистаре» (XIII)¹⁶, а С. Бил сравнивает ее с одним из изображений в Санчи¹⁷. Также оригинальна джатака, содержание которой раскрывается лишь в «Аваданашатаке» (35) – о бодхисаттве, отдавшем свое тело на съедение якше ради того, чтобы услышать продолжение чтения гатхи.

Как о несомненно известных событиях Сюань-цзан напоминает о подвигах царевича Суданы, что действительно вызывает в памяти сюжет о Вишвантаре в «Джатакамале» (I, соответствует также палийской джатаке № 547), хотя автор «записок»

¹⁴ Фа-сянь XI.

¹⁵ *Feer M.R.* Les Jatakas dans les memoires de Hiouen-Thsang // *Congres international des orientalistes*. P., 1897. Sect. I. P. 154; *Watters T.* On Juan Chwang's Travels in India (629–645 A. D.). V. 1–2. L., 1904–1905. P. 244–245.

¹⁶ *Feer*. Op. cit. P. 154–155.

¹⁷ *Beal S.* Si-yu-ki. Buddhist Records of the Western World / Trans. by S. Beal. V. 1. L., 1884. P. 161; *Fergusson J.* Tree and Serpent Worship. L., 1873. Pl. XXXVI, 1.

знает героя под другим именем (Sudāna– «щедрость»). На подробности этой джатаки Сюань-цзан намекает столь неясно и разрозненно, что комментарий превращается в расшифровку сюжета. В других случаях узнаваемо (из «Джатакамалы» – «О Кшантивадине» – и палийских джатак) и имя бодхисаттвы – Кшанти-риши (китайская калька *Женьжу-сянь*), хотя сюжет по-прежнему не раскрывается («Здесь в прошлые времена Будда, приняв облик Кшанти-риши, был расчленен царем *Хэли*»); также узнаваемо и имя Майтрибалы (кит. *Цыли* – «Сила любви»).

Присутствующее в данном отрывке предание о Канишке, строящем известную ступу вблизи Пешавара, является закономерной частью целого цикла легенд об этом царе, складывающегося по «запискам» Сюань-цзана. Этих легенд не так много: Канишка – покоритель нага (Капиша), устроитель буддийского собора (Кашмир), строитель ступы (Гандхара). Исключительно мифологический образ исторического царя, который предстает из повествования Сюань-цзана, объясняется созданием его по канону образа царя-чакравартина – покорителя земли и хтонических божеств, строителя ступ и покровителя сангхи.

Особая категория преданий, передаваемых Сюань-цзаном – это буддийская агиография, представленная особенно содержательно именно в этой части его текста (предания о Васубандху и Паршве). Главное внимание уделяется авторам известных паломнику текстов и следам их пребывания в странах, которые он посетил. Сюда же можно отнести и его своеобразный сюжет об известном ученом брахмане Панини (Гандхара), который в ином перерождении становится последователем Будды.

Свойственная Сюань-цзану манера выбора и расстановки сюжетных повествований свидетельствует о том общем подходе, которым руководствовался автор-паломник при включении подобных рассказов в свой текст. Текст-описание пути строится таким образом, как будто некая совокупность буддийских повествований, имеющих происхождение главным образом из текстовой традиции, постоянно как бы подразумевается автором, и тот или иной сюжет может «показаться на поверхности» в зависимости от тех возможностей, которые дают встретившиеся на пути паломника святые места. Такой подход далек от собирания преданий непосредственно на местах, что делает наиболее интересным вопрос о литературных источниках повествований Сюань-цзана.

Сюань-цзан

ДА ТАН СИ ЮЙ ЦЗИ

ЗАПИСКИ О ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ, СОСТАВЛЕННЫЕ В ПРАВЛЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ДИНАСТИИ ТАН (ИЗ ЦЗЮАНЕЙ II–III)

Страна Гандхара¹⁸. С востока на запад – около 1000 ли, с юга на север – около 800 ли. Восточная граница проходит по реке Синь¹⁹. Столица имеет название Пурушапура²⁰, в окружности около 40 ли. Царская династия прервана, [страна] подчинена Капише. В селениях – запустение, жители малочисленны. В главном городе есть один квартал, где имеется около 1000 дворов. Хлеба здесь родятся в изобилии, цветов и

¹⁸ Страна Гандхара – тр. *Цзяньтоло* (у Фа-сяня – *Цзяньтовэй*); Сюань-цзан считает ее восточной границей реку Инд, т. е. включает сюда земли лишь вдоль долины Кабула в нижнем его течении до впадения в Инд, – без окрестностей совр. Равалпинди, которые относит к этой древней области Лоу (*Law B.Ch. Historical Geography of Ancient India. Delhi, 1976. P. 76*).

¹⁹ Река *Синь* – Синдху, Инд.

²⁰ Пурушапура – тр. *Булушабуло*; в понимании Т. Уоттерса: «*The Pu-lu-sha-pu-lo or Purushapur of our text has been supposed to be the Parshavar of later writers, the Purushavar of Alberuni, and the Peshawar of modern times*» (*Watters T. On Juan Chwang's Travels in India (629-645 A. D.). L., 1904-1905. P. 201*); Каннингхэм также отождествлял *Булушабуло* с Пешаваром (Op. cit. P. 40, 66). У Фа-сяня – название *Полоуша* (Фа-сянь XII).

фруктов множество. Много сахарного тростника, из которого получают сахар. Климат жаркий, практически не бывает мороза и снега. Люди по характеру боязливы. Усердны в книжной учености, в большинстве склонны к иной вере, мало привержены истинному учению. С древних времен и до сих пор из этой области Индии происходят авторы шастр, например, Нараянадэва²¹, бодхисаттва Асанга²², бодхисаттва Васубандху²³, Дхарматрата²⁴, Маноратха²⁵, Паршва²⁶ и другие родились на этой земле. Монастырей здесь – около тысячи, но они разрушены, запущены и безлюдны. Ступы по большей части в развалинах. Храмов дэвов – числом сто, иноверцы проживают смешанно.

В черте царского города, в северо-восточной его части, есть один древний фундамент. Прежде это была драгоценная башня, [хранившая] патру Будды. После нирваны Татхагаты патра попала в эту страну, где в течение ста лет ей должным образом оказывалось почитание²⁷. Она перемещалась из страны в страну и теперь пребывает в [стране] Поласы²⁸. За пределами города, на расстоянии 8–9 ли на северо-восток, стоит дерево *биболо*²⁹, высотой около 100 чи. Крона его пышная, тенистая, густо заплетена. В прошлые времена под ним сидели четыре будды, и до сих пор сохранились изображения четырех сидящих будд. В течение настоящей кальпы здесь будут сидеть 996 будд³⁰. Скрытые духи земли охраняют их, и таится здесь божественный промысел. Шакия Татхагата, сидя под этим деревом и обратившись лицом на юг, возвестил Ананде, говоря так: «После того как я покину мир, пройдет 400 лет, и появится царь, владыка мира, по имени Канишка. Недалеко отсюда, в южной стороне, построит он ступу, и, обретя большую долю мощей моего тела – кости и плоть – сохранит [их] в ней».

К югу от дерева *биболо* стоит ступа, построенная царем Канишкой³¹. Царь Канишка через 400 лет после нирваны Татхагаты принял управление над землей от севера до юга, объединив разные части света. Он не имел веры в грехи и добродетели,

²¹ Нараянадэва (тр.-к. *Налояньтянь* (Soothill W.E. A Dictionary of Chinese Buddhist Terms. Delhi, 1998. P. 248), одно из божеств древнеиндийского пантеона (инкарнация Вишну), почитаемое и в буддизме; не вполне ясно, почему «дэва» упоминается среди буддийских авторов. Уоттерс предположил, что Сюань-цзан здесь имеет в виду легендарного автора соответствующей дхармашастры или же ассоциирует с Нараяной кого-либо из буддийских философов (Op. cit. V. 1. P. 202).

²² Бодхисаттва Асанга – к. *Учжу*; автор основополагающих текстов махаянской школы йогачара, работавший в IV в. (Warder A.K. Indian Buddhism. Delhi, 1970. P. 436–442).

²³ Бодхисаттва Васубандху – к. *Шичинь*; существуют разногласия по вопросу о принадлежности «трудов Васубандху» – в частности известной «Абхидхармакоши» – тому или иному из трех авторов с этим именем; согласно традиции, Васубандху был младшим братом Асанги и жил в IV–V вв. (Warder. Op. cit. P. 444–447).

²⁴ Дхарматрата – к. *Фацзю*; автор школы сарвастивада, работавший во второй половине I в. н.э.; труды его не сохранились (Warder. Op. cit. P. 345).

²⁵ Маноратха – к. *Жуи*; согласно традиции, передаваемой и самим Сюань-цзаном, – учитель Васубандху, живший соответственно в IV в. (о восстановлении его имени из китайских форм см. прим. 42, 46).

²⁶ Паршва – к. *Сецзуньчжэ*; автор I–II вв. н.э. школы сарвастивада; см. также прим. 17–18.

²⁷ Фа-сянь еще застал в процветании монастырь, в котором хранилась патра Будды, и описал культ патры (Фа-сянь XII).

²⁸ [Страна] *Поласы* – Варанаси?

²⁹ Дерево *биболо* (тр.) – *нипала*, священное дерево. По мнению Каннингэма, это огромное дерево было известно здесь вплоть до XVI в. (Cunningham. Op. cit. P. 67).

³⁰ 996 будд – 1000 будд без тех четырех, что уже являлись в мир, т. е. будды будущего.

³¹ Об этой ступе, которая «превосходит [своей красотой] все, что ни есть в Джамбудвипе», рассказывает и Фа-сянь, приводит он и легенду о строителе – Канишке (Фа-сянь XII). Сюань-цзан уже не застал ее в целостности и видел лишь руины. Каннингхэм утверждал, что следов этой ступы не сохранилось (Cunningham. Op. cit. P. 68), однако А. Фуше, обследовавший в соответствии с указаниями паломников окрестности Пешавара (во время экспедиции 1895–1897 гг.), отождествил ее со «ступой Канишки» использовавшиеся в качестве каменоломни руины Shāh-jī-dhēp (Foucher. Notes sur la géographie... P. 6–10). Впоследствии это отождествление было подтверждено раскопками Д. Б. Спунера (1908–1909) и Х. Харгривса (1910–1911), показавшими принадлежность ступы к кушанскому времени; найденный Спунером реликварий, имеющий надпись с упоминанием имени Канишки, достаточно известен как памятник гандхарского искусства (Franz H. Buddhistische Kunst Indiens. Lpz, 1965. Fig. 100–103).

пренебрегая учением Будды. И вот он отправился на охоту в луга, и встретился ему белый заяц. Царь самолично погнался за ним – но, добежав до этого места, тот вдруг исчез. И увидел [царь] мальчика-пастушка, который прямо посреди роши строил маленькую ступу – высотой 3 чи. Царь спросил: «Что ты делаешь?» А пастушок отвечает: «В прошлые времена Шакья Будда в своей великой мудрости пророчествовал: «Явится царь, который на этом достопримечательном месте построит ступу и сохранит внутри нее большую долю мощей моего тела. Великий царь, в своей совершенной мудрости, посеял добрые знаки в прежних воплощениях. И вот древнее предсказание, благодаря чудесной силе его прекрасных заслуг, сбылось в настоящее время. Потому-то я и явился ныне, чтобы напомнить [тебе о нем]». Произнеся эту речь, он вдруг исчез. Выслушав сказанное, царь возликовал всей душой и, положившись на это знамение, [указывающее на] древнее предсказание великого святого, последовал истинной вере, глубоко почтил учение Будды. Охватив место той малой ступы, он выстроил [свою] каменную ступу, желая, показав силу своего покровительства, перекрыть ее сверху. Но тут она, к изумлению, вышла из высоты трех чи – как будто выросла, и превысила 400 чи. И цоколь возвысился, в окружности приобрел 1 ли с половиной; пять его ярусов составили высоту 150 чи. Чтобы снова превзойти размеры малой ступы, царь торжественно воздвиг наверху золотые и серебряные зонты – в 15 ярусов. Затем он поместил в нее мощи Татхагаты – 1 ху, должным образом устроив убранство и совершив приношения. Только едва лишь он закончил свое строительство – видит, малая ступа вышла из большой и встала рядом – [превысив ее] наполовину. Царь вознегодовал и набросился на ступу, чтобы остановить наконец [ее рост]. [Разобрал] до второго яруса, но в середине каменного цоколя на прежнем месте вновь выросла малая ступа. Тогда лишь царь отступился и в восхищении говорит: «Увы! Дела людей легковесны. Божественные силы трудно остановить. Если дело в руках высших сил, чего можно добиться, гневаясь?» Устыдившись содеянного и признав свою вину, он удалился. А эти две ступы можно видеть по сей день. Если страдающие от болезней хотят, помолившись, исцелиться – умащают [ступы] благовониями, рассыпают цветы, с искренним рвением посвящают себя [учению] – и все удастаиваются исцеления. У каменной стены большой ступы с южной стороны высечены две ступы, одна высотой 3 чи, другая высотой 5 чи, по размеру и форме подобные большой ступе. Также изваяны два изображения Будды в полный рост – одно высотой 4 чи, другое высотой 6 чи, изображающие его сидящим под деревом бодхи, со скрещенными ногами. Когда жарко светит солнце – они сверкают золотым цветом; когда надвигается тень – каменная отделка становится темно-багровой.

По слухам, старые люди рассказывают [следующее]. Несколько сот лет тому назад в трещине каменного фундамента жили муравьи золотистого цвета; большие – величиной с палец, малые – с пшеничное зерно. Слаженно действуя, они прогрызли в этой каменной стене знаки, похожие на резные и, покрыв золотым песком, создали это изображение, которое можно видеть и ныне. На каменной стене большой ступы, с южной стороны, есть живописное изображение Будды высотой 1 чжан и 6 чи. Выше груди оно будто разделено на два тела, а ниже груди соединено в одну фигуру. По слухам, в старинных преданиях (записях?) говорится [следующее]. Жил раньше бедный муж. С трудом зарабатывал он себе на пропитание. И вот раздобыл он одну золотую монету. А хотелось ему заказать изображение Будды для этой ступы. Обратился он к художнику, говоря так: «Мне хотелось бы ныне, чтоб ты начертил прекрасный облик Татхагаты, но у меня лишь одна золотая монета – слишком мало, чтобы оплатить работу. Заветное желание не дает мне покоя, но я стеснен нищетой». Художник, тронутый искренностью его чувств, не стал говорить о цене и согласился выполнить работу. А потом явился еще один человек, дела его были в таком же положении, и тоже принес одну золотую монету, прося нарисовать изображение Будды. И вот художник, получив две монеты от этих людей, прекрасными красками написал изображение. Оба человека пришли в один и тот же день, чтобы поклониться картине. Показывая им одно и то же изображение, разъяснил им обо-

им, говоря: «Это – вами заказанное изображение Будды». Оба человека посмотрели друг на друга, как будто в недоумении. Художник, чувствуя их сомнения, обратившись к ним обоим, говорит: «О чем же вы размышляете столь долго? Что до тех денег, что я получил, то несколько не допущено недостачи. Если в этих словах нет неправды, то изображение непременно должно явить чудесное превращение». И, не успев его голос умолкнуть, как изображение на глазах волшебным образом изменилось, разделившись надвое – и оба засветились в ярком блистании. Оба человека с радостью убедились [в честности художника], прониклись верой и радостью.

В стабу к юго-западу от большой ступы – статуя Будды из белого камня, высотой 1 чжан и 8 чи; он стоит, обращенный лицом на север. [Статуя] обладает многими чудесами и часто излучает свечение. Были люди, которые видели, как статуя выходит по ночам и обходит ступу кругом. В недавнее время здесь была шайка разбойников; они хотели проникнуть сюда и разграбить [сокровища] – но статуя вышла навстречу разбойникам, и разбойники тотчас устрашились и отступили. Статуя вернулась на прежнее место и встала так, как и стояла раньше. После того разбойники, покончив с греховными делами, стали на новый путь и, странствуя по городам и селениям, повсюду рассказывали об этом.

Справа и слева от большой ступы – малые ступы, стоящие тесно, числом в сотню. Изображения Будды величественны и в высшей степени искусной работы. По временам доносятся изысканные запахи и чудные звуки. Некоторые видели, как риши и святые обходят ступы кругом. Татхагата пророчествовал: когда [большая ступа] семь раз сгорит и семь раз будет восстановлена – иссякнет [время] учения Будды. Старинные священные записи сообщают, что она уже разрушалась трижды. Перед нашим прибытием в эту страну она пережила пожар и теперь снова отстраивается, и работа еще не завершена.

К западу от большой ступы находится древний монастырь, построенный царем Ашокой³². Двухэтажные здания, уступчатые террасы, многоярусные башни, последовательный ряд дворов – все свидетельствует о славе и великой благодати. Хотя все в развалинах, но изящна работа редкостного мастерства. Монахов здесь мало, исповедуют они учение хинаяны. Со времени основания монастыря отсюда выходили удивительные люди, произошли многие авторы шастр, получившие «священный плод». Слава об их добродетели разносится непрестанно. В третьем двухэтажном здании имеется келья Почтенного Паршвы³³. Она давно уже опустела, но сохранилась памятная надпись. Вначале Почтенный был ученым брахманом, а в возрасте 80 лет «ушел из дома» и надел рубище. В городе малолетние юнцы насмеялись над ним: «Глупый старикашка! Как же ты недалек! Ведь тот, кто “ушел из дома”, должен совершить два подвига: первый – воспитать в себе непоколебимость, второй – читать сутры. А ты теперь совсем стар и не сможешь ничего достичь, не в свое время последовав по пути избранных. Тебе бы соображать еще, как поесть досыта!» Тогда Почтенный Бок³⁴, слыша злые насмешки, покинул людей и дал сам себе клятву: «Пока я не постигну “трипитаку”, не прерву “желания трех миров”³⁵, не обрету “шести священных способностей”³⁶ и не достигну “восемью освобождений”³⁷ – до тех пор не преклоню своего бо-

³² Царь Ашока – к. Увэй-ван.

³³ Паршва – здесь тр. *Полишифу* (Soothill. Op. cit. P. 266).

³⁴ Почтенный Бок, *Сецзуньчжэ* – имя Паршвы здесь передано переводом (*parśva* – «бок»), как того требует контекст передаваемого предания, призванного объяснить это имя.

³⁵ «Желания трех миров» *сань цзе юй* – вернее, «мир желаний (*юй*) трех миров (*сань цзе, triloka*)» – первый из буддийских «трех миров», охватывающий в том числе и мир людей.

³⁶ «Шесть священных способностей», *люй шэнь тун, śaḍabhiñjā*: 1) *diviyacakṣus*, способность мгновенно охватить взором видимый мир, мир форм; 2) *divyaśrotra*, способность слышать все, что слышимо; 3) *paracitta-jñāna*, способность знать помышления всех существ; 4) *pīrvani-vāsānasmṛti-jñāna*, способность знать все прежние рождения существ; 5) *ṛddhi-sātkṛiyā*, способность пребывать в любом месте; 6) *āsravaḥśaya-jñāna*, способность уничтожать заблуждения (Soothill. Op. cit. P. 123, 138).

³⁷ «Восемь освобождений», *ба цзето, aṣṭa-vimokṣa* – восемь ступеней освобождения, связанные с восемью стадиями сосредоточения (Ibid. P. 39).

ка к циновке!». И после того даже дня ему не хватало – для хождения и «тихого сидения», для стояния в размышлении. Днем он постигал основы учения, а ночь проводил в чистых помышлениях и сосредоточении. Так прошло три года. Он досконально изучил «Трипитаку». Прервал «желания трех миров». Обрел «три просветленных знания»³⁸. Современники чтит его и стали называть «Почтенный Бок».

К востоку от кельи Почтенного Бока есть древнее строение. Здесь Бодхисаттва Васубандху³⁹ составил «Абхидхармакоша-шастру»⁴⁰. Люди чтят его и поместили здесь надпись об этом событии.

В 15 бу к югу от комнаты Васубандху – вторая башня. Здесь Манорхита⁴¹, автор шастр, составил «Вибхаша-шастру»⁴². Автор шастр жил в процветании через тысячу лет после нирваны Будды. Смолоду хорошо учился и обладал талантом красноречия. Слава о нем распространилась далеко и приверженцы учения уповали на него. В то время Викрамадитья⁴³, царь страны *Шилофасиди*⁴⁴, далеко простер свою власть. Он каждодневно рассылал гонцов по всей Индии с пятью сотнями тысяч (?) золотых монет – для раздачи бедным, вдовам и сиротам. Государев казначей, видя, что запасы государства оскудели, ужаснулся и, пытаясь хоть как-то обиняками вразумить его, говорил: «Великий царь, своим могуществом покоривший дальние края! Твои щедроты достигают всех, даже насекомых. Ты просил увеличить раздачу до пяти сотен тысяч золотых монет. Из-за этой помощи, раздаваемой на все четыре стороны, [мы] растратились. Казна пуста. Придется обложить земли еще более высокими налогами. Из-за непрерывного удвоенного налога поднимется ропот недовольства. И тогда государю достанется вся благодарность за повсеместные благодеяния, а министру – все укоры за недобросовестное выполнение долга». Царь сказал: «Избытков [у нас] еще много. Раздачи недостаточны. Не пренебрегу лично. В государственных запасах есть излишества». Вслед за тем он еще увеличил раздачу пяти сотен тысяч в помощь бедным. Вслед за тем, поехав на охоту, он преследовал кабана и заблудился. Тому, кто бы отыскал путь, он сулил вознаграждение в одну сотню тысяч золотых монет. А Маноратха, автор шастр⁴⁵, однажды нанял человека, чтобы побрить голову, и тоже пожаловал ему одну сотню тысяч золотых монет. В той стране был летописец, который сделал запись об этом. Прочитав ее, царь почувствовал себя сильно оскорбленным и был очень недоволен, и захотел наказать Маноратху, автора шастр, опозорив его. Созвал он тогда представителей разных учений – достойнейших в учености, непревзойденных в проникновенности. Прибыло сто человек. Он сказал: «Хочу навести порядок в том, что вижу и слышу. Определить надлежащие границы расхождений. В различных учениях можно запутаться, и нет определенного, к чему должно примкнуть. Так выясните же теперь – где хорошее, а где дурное. Сосредоточьтесь на этом и приступите к делу». Когда все собра-

³⁸ «Три проникновенных знания», *сань мин чжи (trividya)*: 1) знание того, что все не вечно (*anitya*, у чан); 2) что все есть страдание (*duhkha*, ку); 3) что все лишено «я» (*anātman*, у во) (Ibid. P. 66).

³⁹ Бодхисаттва Васубандху – к. *Шицинь*, см. прим. 23.

⁴⁰ «Абхидхармакоша-шастра» (*Abhidharmakośa-śāstra*) – тр. *Анидамоцзюйшэ-лунь*.

⁴¹ Маноратха – здесь тр. *Монухэлита*, однако у Уоттерса транскрипция этого имени выглядит как *Монухэдата* (видимо, в издании, которым он пользовался, стоял иероглиф *ла*), что более соответствует переводному варианту имени *Жуи* (Маноратха, прим. 46).

⁴² «Вибхаша-шастра» (*Vibhāṣā-śāstra*) – тр. *Пупоша-лунь*.

⁴³ Викрамадитья – тр. *Пициломоздадо*.

⁴⁴ Страна *Шилофасиди* – Шравасты.

⁴⁵ Маноратха, автор шастр – к. *Жуи*; согласно словарю Сутхилла, имя *Жуи* переводится как «according to desire» и соответственно восстанавливается как *Manoratha* (*Soothill*. Op. cit. P. 211), что более убедительно, чем предлагаемое Билом *Manorhita*; последний вариант более соответствует транскрипции *Монухэлита*, также встречаемой в этом тексте (прим. 20). Оба имени Сутхилл соотносит с учеником Васубандху, 22-м из патриархов махаяны, автором «Вибхаша-шастры», однако Т. Уоттерс возражал против этого сопоставления, основанного на свидетельствах тибетских текстов, связывавших деятельность Маноратхи с Южной Индией и иным временем (Op. cit. P. 212).

лись на диспут, он повелел прибывшим: «Авторы шаштр “внешнего пути”⁴⁶ в равной степени непревзойденны. А вот шраманам, членам сангхи, следует хорошенько представить свои принципы. Если они возьмут верх – [мы] почтим учение Будды. Если будут повержены – то истребим монахов». Тогда Маноратха, вступив в прения с девятью последователями «внешнего пути», совершенно привел их к поражению. Но тут сошел с сиденья один человек и, глядя на него с пренебрежением, вызвал на беседу. Повели диспут на тему «огонь и дым». Царь и вместе с ним приверженцы «внешнего пути» закричали: «Маноратха, автор шаштр, допустил ошибку, определяя значение слов. Так не бывает, чтобы прежде дым, а потом огонь. Таковой порядок вещей определен навсегда!» Хотя Маноратха пожелал разъяснить затруднение – его не стали и слушать. Видя свое бесчестье, оскорбленный публично, он отрезал себе язык. Потом же написал наставление своему ученику Васубандху: «В этом сборище нет великой справедливости, необходимой в состязании. В этой толпе толкователей не произошло диспута, доподлинно вскрывающего ошибки». После этих слов он умер. Прошло немного времени. Царь Викрамадитья⁴⁷, оставив эту страну, пришел к могуществу царя-чакравартина и оказывал благосклонность прославленным мудрецам. Тогда бодхисаттва Васубандху, желая очистить [своего учителя] от бывшего бесчестья, пришел к царю, разъясняя: «Великий царь властвует со святостью и добродетелью, повелевает в глубокой мудрости. Мой прежний учитель Маноратха был исчерпывающе учен, обладал сокровенным знанием. Тогдашний царь из застарелой ненависти публично унизил его в собрании знаменитейших людей. Будучи его последователем, я хочу возместить былую несправедливость». Царь знал, что Маноратха был выдающимся человеком, и одобрил Васубандху за достойный поступок. Он призвал сторонников «внешнего пути» на диспут, посвященный Маноратхе. Васубандху разъяснил суть давнего дела. Приверженцы «внешнего пути» признали свою вину и отступились.

Следуя на северо-восток 15 ли от монастыря царя Канишки, переправился через великую реку. Прибыл в город Пушкалавати⁴⁸ – окрестностью 14–15 ли. Жителей в нем много. Ворота соединены коридором. К востоку от города, за воротами, есть храм небожителей. Изображения небожителей, следуя чередой друг за другом, величественны и обладают чудесною силой. К востоку от города есть ступа, построенная царем Ашокой – вблизи того места, где проповедовали четыре прошлых будды. С древних времен святые мудрецы из Срединной Индии приходили сюда для наставления существ. Многие побывали этой земле – так, Васумитра⁴⁹, автор шаштр, здесь составил «Абхидхармапракаранапада-шаштру»⁵⁰.

В 4–5 ли к северо-западу от города стоит старый монастырь. Дворы и помещения опустели, монахов мало, все исповедуют учение Хинаяны. Именно здесь Дхарматрата⁵¹, автор шаштр, составил Самьюктабхидхарма-шаштру⁵². Рядом с монастырем есть ступа высотой 100 чи, построенная царем Ашокой. Украшена деревянной резьбой и узорным камнем – поистине удивительное творение рук человеческих⁵³. Здесь Шакия Будда, будучи в прошлые времена бодхисаттвой, в облике царя [этой] страны, движимый желанием беспрестанно одаривать своей милостью всех существ, от-

⁴⁶ «Внешний путь» – *vai dao*, т.е. небуддизм.

⁴⁷ Викрамадитья – здесь к. *Чажжи (Soothill)*. Op. cit. P. 391).

⁴⁸ Город Пушкалавати – тр. *Бусэцзелофади*.

⁴⁹ Васумитра – здесь тр. *Фасумитало*; Васумитра – один из патриархов буддизма (седьмой); деятельность Васумитры Сюань-цзан относит ко времени Канишки, связывая с его именем проведение соответствующего собора в Кашмире.

⁵⁰ «Абхидхармапракаранапада-шаштра» (*Abhidharmaparakaraṇapāda-sāstra*) – тр.-к. *Цзунши-фэнь-абидамо-лунь*.

⁵¹ Дхарматрата – здесь тр. *Дамоталодо* (прим. 7).

⁵² «Самьюктабхидхарма-шаштра» (*Samyuktābhīdharma-sāstra*) – тр.-к. *Цзаабидамо-лунь*.

⁵³ Указанную здесь ступу А. Фуше предположительно отождествлял с руинами *Bala-Hisār*, которые он наблюдал к северу от древнего Пушкравати (Op. cit. P. 12–15). Позднейшие раскопки Маршалла и Фогеля (1903), по их оценкам, обнаружили здесь лишь фундаменты древней крепости.

дал на убиение свое тело. Тысячу раз он рождался царем этой страны. В этой благо-словенной земле он пожертвовал своими глазами⁵⁴.

К востоку отсюда, недалеко – две каменные ступы, каждая высотой около 100 чи. Правая поставлена Брахмой, левая построена владыкой дэвов⁵⁵, и украшены они были редкостными драгоценностями и самоцветами. Когда же Татхагата вошел в «тихое угасание»⁵⁶, драгоценности превратились в камень. Хотя здания в разрушении, но все еще высоки и величественны.

От ступ Брахмы и Шакры шел на северо-запад около 15 ли – здесь ступа, где Шакья Татхагата обратил мать духов, повелев ей не губить людей. Поэтому в этой стране есть обычай совершать [ей?] жертвоприношения, моля о потомстве⁵⁷. От «матери духов» шел на север около 15 ли – здесь ступа на том самом месте, где бодхисаттва Шанмоцзя⁵⁸, почтительно ухаживавший за отцом с матерью, выискивал плоды для их прокормления и встретился с царской охотой. Царь попал в него отравленной стрелой, но искренность его чувств возымела чудодейственную силу: владыка дэвов наложил [на рану] лекарство, тронутый его великодушием и безупречной святостью, и тот сразу же ожил.

От «повреждения бодхисаттвы Шанмоцзя» шел на юго-восток около 200 ли. Прибыл в город *Полуша*⁵⁹. К северу от города стоит ступа – здесь царевич Судана, подаривший брахману большого слона своего отца-царя, был подвергнут наказанию. На этом же месте он, прощаясь, вышел из городских ворот, изгнанный жителями⁶⁰. Поблизости – монастырь, в котором около 50 монахов, придерживающихся учения хинаяны. Некогда Ишвара⁶¹, автор шаштр, составил здесь «Самьюктабхидхармахридая-шаштру»⁶².

К востоку от города *Полуша*, за воротами, стоит монастырь. Монахов – около 50 человек, придерживаются учения махаяны. Здесь же есть ступа, построенная царем Ашокой. В прошлые времена царевич Судана, пребывавший в изгнании на горе *Дандолоцзя*, на этом месте отдал⁶³ брахману своего сына с дочерью. Пройдя 20 ли

⁵⁴ Здесь автор намекает на джатаку о царе Шиби, отдавшем свои глаза слепому брахману (палийские джатаки № 499, «Джатакамала» II).

⁵⁵ Брахма – *Фаньван*, владыка дэвов (Шакра, Индра) – к. *Тянди*.

⁵⁶ «Тихое угасание» – *цзи-ме*, нирвана.

⁵⁷ «Ступу, где Шакья Татхагата обратил мать духов», Фуше обозначал как *Hārīti-stupa* и опознавал в *Sare-Makhe-dhefi* в двух километрах от селения Каравар; по его расспросам, окрестные жители принесли сюда больных детей, которые получали исцеление от земли, взятой сверху из руин.

⁵⁸ Бодхисаттва *Шанмоцзя* – тр., имя может быть восстановлено как *Samaka* (у Феера *Suamaka*). Бил находит соответствующую джатаку о юноше *Sama* среди изображений в Санчи (*Beal*. Op. cit. V. 1. P. 161; *Fergusson*. Tree and Serpent Worship. Pl. XXXVI, 1), Феер – аналогии в «Махавасту» (XXX) и «Лалитавистаре» (XIII; *Feer*. Op. cit. P. 154).

⁵⁹ Город *Полуша* – Каннинггэм первоначально отождествил его с *Palodheri* (P. 44), однако Фуше (называя город *Varṣapura*) настаивал на другом варианте, предложенном также Каннинггэмом – *Shabbaz-Garhi*, основываясь на своих исследованиях окрестностей этого города, в ходе которых он нашел места, соответствующие описаниям Сюань-цзана (см. прим. 38). Расположение этого населенного пункта на дороге из Пешавара в Унд также делает последнее предположение более вероятным.

⁶⁰ Передаваемый здесь и далее (гора Данталока – прим. 64) сюжет – подвиги царевича Суданы – соответствует известной джатаке о Вишвантаре (пал. джатаки № 547, Арья Шура IX), проявившем необыкновенную щедрость: он отдает просителям главное сокровище своего царства – чудесного белого слона, за что подвергается изгнанию; затем отдает свое последнее имущество – коня, колесницу и, в конце концов, – детей и жену. «Место дарения слона», отмеченное у Сюань-цзана ступой, А. Фуше отождествляет с осмотренными им следами древних строений (*Foucher*. Notes sur la géographie... P. 25–26). Иное имя царевича, видимо, представляет собой вариант, имеющий характер эпитета (*sudāna* – «щедрость»).

⁶¹ Ишвара – тр. *Ишифало*.

⁶² «Самьюктабхидхармахридая-шаштра» (*Samyuktābhidharmahṛdaya-śāstra* (тр.-к. *Анидамо-минчжэн-лунь*).

⁶³ «Отдал брахману сына с дочерью» – перевод «продал», исходящий из обычного значения *май*, вызвал претензии Т. Уотерса по отношению к переводчиком (Op. cit. V. 1. P. 218), а Фуше подумал, что ошибся Сюань-цзан (Op. cit. P. 25. Not. 2). Вишвантара не мог «продать» детей, его подвиг заключался именно в щедром даянии; однако слово *май* вполне допускает и подходящий перевод – «щедро отдавать» (БКРС, Т. 4. С. 686).

на северо-восток от города *Полуша*, подошел к горе *Дандолоцзя*⁶⁴. На вершине горы стоит ступа, построенная царем Ашокой. Здесь жил в отшельничестве царевич Судана. Поблизости – [другая] ступа. Когда царевич отдал брахману сына с дочерью, то здесь брахман бил его сына и дочь, а пролитая кровь окрасила землю. Дольше еще трава и [листья] деревьев окаймлены красным цветом. Меж скал – каменная келья, где царевич вместе с женой утверждались в учении. В этой долине у всех деревьев опущены ветви, наподобие шатра. Прежде царевич здесь прохаживался и останавливался. Поблизости – одна каменная обитель, в которой жил древний риши. От обители риши шел на северо-запад около 100 ли и, миновав одну небольшую гору, прибыл к большой горе. С южной стороны горы стоит монастырь. Монахов мало, придерживаются учения махаяны. Рядом – ступа, построенная царем Ашокой. В прошлые времена здесь жил риши Экашринга⁶⁵; совращенный распутной женщиной, риши утратил свою чудесную силу, и та распутная женщина вернулась в город верхом на его плечах.

От города *Полуша* на северо-восток шел около 50 ли; прибыл к величественной горе. На той горе стоит, в зеленом камне, – изображение супруги Махешвары, известной под именем Бхимы-дэви⁶⁶. И ученые люди, и простой народ говорят, что это изображение богини имеет подлинный ее образ и обладает многими чудесами, и потому всеми так чтимо. Из всех стран Индии [сюда приходят] молиться о благополучии, излагая свои просьбы. И знатные, и худородные – все собираются здесь, приходя из далеких и ближних мест. Кто возымеет желание видеть божественный образ – должен преисполниться верой, покинуть сомнения и отказаться от пищи на семь дней – и только тогда будет допущен к обозрению. Просьбы в большинстве случаев бывают удовлетворены. Внизу горы есть храм Махешвары⁶⁷. Те иноверцы, что натираются пеплом, здесь совершают жертвоприношения согласно ритуалу.

От храма Бхимы-дэви шел на юго-восток 150 ли. Прибыл в город Удакабханда⁶⁸, окружностью около 20 ли. С юга ограничен рекой *Синьду*. Жители богаты и веселы, денег имеют множество. Редкости всех стран света стекаются сюда во множестве.

От города Удакабханды шел на северо-запад около 20 ли. Прибыл в селение *Полодуло*⁶⁹. Здесь родился риши *Понини*, составивший *Шэнмин-лунь*⁷⁰. В самом на-

⁶⁴ Гора *Дандолоцзя* – тр., название восстанавливается как Данталока; А.Фуше, скрупулезно исследовавший здесь места, связанные, по Сюань-цзану и Сун-юну, с джатакой о Вишвантаре, отождествляет Данталоку с горой *Mekha-sanda* (санскр. *Mahīṣ-śandau*). Осмотрев гору, он обнаружил пещеру с двумя камерами, которую сравнивает с той, что видел Сюань-цзан, а также ступу и даже камни с красным налетом, проявляющие особенно яркую окраску после дождя и напомнившие ему ту «красную землю», что осталась после пролития крови детей (*Foucher. Notes sur la géographie... P. 26–30*).

⁶⁵ Риши Экашринга (*Ekaśrīṅga*) – к. *Дуцзюе*.

⁶⁶ Бхима-дэви (*Bhīmā*) – тр.-к. *Бимо-тяньной*.

⁶⁷ Махешвара (Шива) – к. *Дацзыцзай-тянь* (*Soothill. Op. cit. P. 94*).

⁶⁸ Город Удакабханда – тр. *Удоцзяханьча*. Предложенная С. Жюльеном (*Julien S. Hiouen-thsang. Mémoires sur les contrées occidentales / Trans. par S. Julien. V. 1. P., 1857. P. 125*) идентификация *Удоцзяханьча* Сюань-цзана и *Udabhāṇḍa* «Раджатарангини» (транскрипция Сюань-цзана предполагает скорее вариант *Udakabhāṇḍa*) не подвергалась сомнениям со стороны позднейших исследователей кроме Т. Уоттерса (*Op. cit. V. 1. P. 223*), и действительно выглядит очевидной – по тому описанию географического положения города, которое дает паломник: направление пути, расположение на правом берегу Инда. Таким образом, Удакабханда Сюань-цзана – это Удабханда Калхасы, Вайханд у Бируни (XVIII, 101; XXV, 130) и позднейший Унд, расположенный несколько выше впадения Кабула в Инд (*Foucher. Notes sur la géographie... P. 38*). Описание города у Сюань-цзана, как процветающего от торговли, получающего «редкости всех стран света», соответствует такому отождествлению.

⁶⁹ Селение *Полодуло* – Жюльен, опираясь на традицию, считающую местом рождения Панини селение *Salatura*, предположил ошибку в написании транскрипции: *по* вместо *ша* (близкие по написанию иероглифы). Однако Т. Уоттерс предлагает другое объяснение этого названия, найдя в жизнеописании Сюань-цзана фразу «риши Панини из города *Поломэндуло* в Гандхаре Северной Индии», где *поломэн* – обычная транскрипция для слова «брахман», и, таким образом, получается смысл «город брахмана» – т. е. брахмана-Панини (*Op. cit. V. 1. P. 223–224*). Подобная интерпретация хорошо согласуется с тем фактом, что у Сюань-цзана встречается и в других случаях такое обозначение города («город Трапуши» и «город Бхалики» в Балхе).

⁷⁰ Риши *Понини* (тр.) – Панини, автор грамматического трактата «Аштадхья» (V–IV вв. до н.э.).

чале времен знаков письменности было великое множество. Шло время, кальпа шла к разрушению, мир пришел в запустение. Дэвы-долгожители снизошли на землю, чтобы наставлять людей – и отсюда пошло начало книжной учености, с того времени и из этого источника она получила свое распространение. Брахма и владыка дэвов установили необходимые правила, а каждый риши из иноверцев составил знаки письменности; люди же стали передавать их из поколения в поколение. Однако ученые, не достигшие совершенства, с трудом понимали их. Срок жизни людей сократился до ста лет. И вот появился риши *Понини*. Он приобрел обширные познания. В свои горестные и ненадежные времена он хотел устранить все ложное, привести в совершенный порядок все беспорядочное. Странствуя в поисках своего пути, он повстречал дэву Махешвару и изложил ему замысел своего труда. И сказал ему дэва Махешвара: «Прекрасно! Я непременно окажу тебе помощь». Получив от него наставление, риши удалился. Он неустанно совершенствовался и предавался долгим размышлениям; собрал множество слов и создал книгу о знаках письменности, объемом в 1000 шлок; в каждой шлоке – по 32 слога. В ней подведен итог настоящего и прошлого, сведено воедино все о письменах. Он запечатал [свой труд] и представил его правителю. Царь высоко оценил его и издал указ в своей стране: изучать [эту книгу] досконально, как наилучшую, а кто прочтет ее и применит [знания] с пользой, будет награжден тысячью золотых монет. С тех пор учителя используют исключительно [ее] в преподавании, и она имеет необыкновенно широкое хождение в мире. Вот почему в этом селении брахманы отличаются особой ученостью, обширными познаниями и твердой памятью.

В селении *Полодуло* есть ступа – на месте, где архат обращал ученика риши *Понини*. Когда прошло 500 лет с тех пор, как Татхагата покинул мир, жил великий архат, и пришел он из страны *Цзяшимило* для обращения этих мест. Увидел он здесь брахмачарина ... Говорит архат брахмачарину: «Зачем ты мучаешь этого отрока?» И отвечает ему брахмачарин: «Заставляю его учить *Шэнмин*⁷¹ и не могу добиться толку». Архат улыбнулся. Старый брахмачарин говорит: «Шраманы милосердны по нраву своему и сострадают всем живым существам. О чем ты сейчас улыбнулся, достойный? Я хотел бы слышать об этом словами». Архат говорит: «Разъяснить это не так легко. Боюсь вызвать у тебя недоверие и сомнение. Ты, несомненно, слышал о риши *Понини*, составившем *Шэнмин-лунь* в наставление всему миру». Брахман отвечает: «В этом селении все сыновья признательно чтут его память. Здесь установлены его статуи, и они до сих пор бережно сохраняются». Архат говорит: «А ведь твой нынешний отрок на самом деле и есть тот риши. Обладая сильным умом, он занимался мирской книжностью и обращался лишь к иноверческому шастрам, не изучая истинные принципы. Его душа и его познания пропадали напрасно. Странствуя по кругу перерождений до сих пор, он, благодаря остаткам добродетели, воплотился в образе твоего отрока. Однако для него все письмена мирской книжности – бесполезный и утомительный труд. Разве можно сравнить все это со священным учением Татхагаты! Добродетели и познания сокровенным образом взращивают плоды былого. На берегу южного моря было засохшее дерево. В его дуплах жило пятьсот летучих мышей. И жили тогда купцы, и остановились они под этим деревом. В то время поднялся ветер и стало холодно, а люди проголодались и замерзли. Насобирали они хвороста и травы, развели огонь под ним. Языки пламени мало-помалу охватили засохшее дерево, и оно загорелось. Тогда среди них был один купец, который с наступлением ночи читал *Абидамо-питаку*⁷². Все летучие мыши, будучи объаты огнем, прониклись любовью к звукам учения, терпели муки и не улетали. Когда они умерли, то получили перерождение согласно заслугам – все они обрели человеческое тело. Покинув дом, совершенствовались в учении. Слушая голос учения, они обрели чуткий слух, острое зрение и отточенную мудрость. Все получили священный плод, благодаря заслугам, явленным в мире. Когда царь Канишка вместе с почтенным Паршвой создали пятьсот святых в стране *Цзяшимило* и составили *Вибхаша-шастру* – то это и были те пятьсот летучих мышей из засохшего дерева. Я сам, хотя и незаслу-

⁷¹ «Вьякарана» (Vyākaraṇa), «Грамматика» – к. *Шэнмин-лунь*.

⁷² «Абхидхарма-питака» – тр. *Апидамо-цзан*.

женно, один из их числа. Вот так разнятся результаты добрых и злых дел. Одни бывают вознесены, другие низвержены, у других остаются нерешенными или прерываются. Достойный! Позволь теперь этому возлюбленному отроку уйти из дому. Благодать уходя из дому для достойной жизни нельзя изъяснить словами».

Произнеся эту речь, архат явил свою чудесную силу и внезапно исчез. В брахмане же глубоко заронилась вера. В восхищении он стал рассказывать об этом по всей округе. Затем отпустил того отрока, позволив ему уйти из дому и совершенствоваться в учении, и тот обратился к вере и глубоко почитл «три сокровища». Односельчане, последовавшие за ним и обращенные [в истинную веру], до сих пор необычайно ревностны.

Следуя от города *Удоцзяханьча* на север, перешел горы, переправился через реки, шел 600 с лишним ли, прибыл в страну Удяну.

*Страна Удяна*⁷³ в окружности около 5000 ли. В ней непрерывно чередуются горы и долины, а реки и озера соединяются, питая друг друга. Хотя здесь и сеют хлеба, земля дает скудный урожай. Много винограда, мало сахарного тростника. На этих землях добывают золото и железо. Выращивают ароматное растение *юйцзин*⁷⁴. Леса густые, цветов и фруктов – изобилие. И холод, и зной умеренны, ветры и дожди следуют в согласном порядке. Люди по характеру робки и нерешительны; есть склонность к обману в этом народе. Хорошо образованы, но не усердны в учении. Почтенным считается искусство заклинаний. Большинство одевается в белые ткани, другую одежду носят мало. Язык, хотя и имеет отличия, но все же весьма схож с индийским. Знаки письменности, так же как и правила поведения, весьма противоречивы. Здесь почитают закон Будды, исповедуя учение махаяны. На реке Субхавасту⁷⁵ некогда было 1400 монастырей – [ныне же] большинство в запустении; прежде было 18 000 монахов, а теперь их становится все меньше и меньше. Придерживаются учения махаяны, практикуют самадхи⁷⁶; охотно читают вслух таковые тексты, но без проникновения в смысл. Уставы соблюдают усердно. Особенно искусны в заклинаниях. Запреты и предписания соблюдают неукоснительно. Имеются пять школ: 1) дхармагупта; 2) махисасака; 3) кашьяпия; 4) сарвастивада; 5) махасангхика⁷⁷. Храмов дэвов – около десятка; иноверцы

⁷³ Страна Удяна (*Udyāna*) – тр. *Учжанна*; располагалась по верхнему течению реки Сват (прим. 75), в горной области на севере совр. Пакистана (*Cunningham*. Op. cit. P. 68–69; *Law*. Op. cit. P. 132). Фа-сянь дает название *Учжан* (Фа-сянь VIII).

⁷⁴ *Curcuma longa* (БКРС).

⁷⁵ Река Субхавасту – тр. *Суофасуду*, *Suastus* Арриана – совр. Сват, левый приток Кабула.

⁷⁶ Самадхи – здесь *цзидин*, практика медитации.

⁷⁷ Эти пять школ имеют следующие соответствия: 1) к. *фами* (*dharmagupta*); 2) к. *хуади* (*mahāsāka*); 3) к. *иньгуан* (*kāśyāpīya*); 4) к. *шоуцего* (*sarvāstivāda*); 5) к. *дачжун* (*mahāsaṅghika*). В описании Удяны Сюань цзан дает перечисление распространенных здесь буддийских школ, хотя автор далеко не всегда придерживается такого правила. Будучи одним из основных источников по истории буддийских сект и соборов, к которому постоянно апеллируют историки этой темы (*Przyluski J. La Légende de l'Empereur Açoka dans les textes indiens et chinois*. P., 1923; *Bureau A. Les sectes Bouddhiques du Petit Vehicule*. Saigon, 1955; *Datt N. Buddhist Sects in India*. Delhi, 1978), текст Сюань-цзана действительно позволяет проследить географическое распространение школ и связанное с ним предание. Однако ввиду фрагментарности его сведений, которые иногда выглядят точными цифрами, а иногда несут характер весьма неопределенных высказываний, из них вряд ли можно создавать сложные построения и тем более – выводить суммированную статистику (*Торчинов Е.А. Введение в буддологию*. СПб., 2000. С. 46). Для истории этого региона особое значение имеет школа сарвастивады; согласно преданию, передаваемому в том числе Сюань-цзаном (Кашмир), особую роль в распространении буддизма в Кашмире и на сопредельных территориях сыграл Мадхьянтика, который считается видным деятелем сарвастивады. Канон сарвастивады был составлен на санскрите и известен по китайским переводам, а также фрагментам, найденным в Восточном Туркестане. Тексты сарвастивадинов (агамы) собрал в Индии в частности Фа-сянь. Сарвастивада – одна из школ хинаяны. Согласно традиции, передаваемой в том числе Сюань-цзаном, школа выделилась после второго собора при Ашоке. Учение сарвастивадинов активно разрабатывало теорию дхарм; основное доктринальное утверждение сарвастивады выражено в названии школы – от *saṃvāt asti* – «все (все дхармы) существует [в прошлом, настоящем и будущем]». Махисасака считается одной из древнейших школ хинаяны, отделившихся уже после первого собора; к ней восходит и сарвастивада, и упоминаемые здесь школы дхармагупта и кашьяпия. В противоположность вышеперечисленным, махаянскую направленность имела школа махасангхика.

проживают смешанно. Сильных городов – четыре-пять; царь большей частью пребывает в городе *Мэнхэли*⁷⁸. Город этот в окружности имеет 16–17 ли и густонаселен.

К востоку от города [на расстоянии] 4–5 ли – большая ступа, известная множеством чудесных знамений. Здесь в прошлые времена Будда, приняв облик Кшанти-риши, был расчленен царем *Хэли*⁷⁹.

От города *Мэнхэли* шел на северо-восток 250–260 ли. Вступил в переделы Великих гор⁸⁰. Прибыл к роднику дракона *Апалалы*⁸¹. Именно этот родник является источником реки *Субхавасту*, которая далее течет на юго-запад. Весной и летом в ней замерзает вода, и с утра до вечера идет снег. Снег сыплет густо – разноцветный, сверкающий блестками.

Этому дракону во времена *Кашьяпы Будды* выпала судьба родиться среди людей под именем *Цзинчжи*⁸². Владея искусством заклинаний, он держал в подчинении злых драконов, не позволяя им насыпать губительные дожди. Население страны благодаря ему накопило запасы зерна; все многочисленные жители были искренне признательны ему за добро и собирали с каждой семьи по одному *доу* зерна, чтобы совершать ему подношения. Но с течением лет некоторые стали уклоняться от платежей, и *Цзинчжи* затаил гнев и замыслил сам стать недобрым драконом, чтобы, насылая губительные ветры и дожди, вредить посевам. Ему выпала судьба после кончины принять облик дракона-повелителя этой страны. Овладев истоком реки *Байшуй*⁸³, он стал наносить ущерб плодоносящим силам земли. *Шакья Татхагата*, в своем великом милосердии правивший миром, пожалел жителей этой страны, сам отправился навстречу опасности и снизошел на это место, желая обратиться [в истинную веру] свирепого дракона. Как *Ваджрапани*⁸⁴, ударил он палицей по скале – и царь драконов так устранился грома, что тотчас покорился учению. Выслушав проповедь Будды, он в сердце своем обрел покой и проникся верой. Одолев [дракона], *Татхагата* повелел ему больше не вредить посевам. А дракон говорит: «Ведь я кормился за счет урожаев с людских полей. А теперь, когда я покорился святому учению, боюсь, мне трудно будет обеспечить себя пропитанием. Хотел бы хоть раз в двенадцать лет получать запас хлеба». Движимый сочувствием *Татхагата* дал ему такое разрешение. Поэтому-то и ныне раз в двенадцать лет на реке *Байшуй* случаются наводнения.

В 30 ли к юго-западу от родника дракона *Апололо*, на северном берегу реки лежит большая каменная глыба. На ней – след ноги *Татхагаты*. В зависимости от того, какова добродетель [пришедшего сюда поклониться] человека, [след] становится короче или длиннее. *Татхагата* оставил его, когда, покорив этого дракона, покидал [страну]. Впоследствии люди возвели над ним строение из камней. Сюда приходят из дальних и ближних мест, чтобы совершить приношение цветами и благоговениями.

Вниз по течению в 30 ли подошел к камню, на котором *Татхагата* мыл свою одежду. Отпечаток кашаи⁸⁵ вдавлен [в камень], как будто выгравирован.

⁷⁸ Город *Мэнхэли* – Каннингхэм отождествлял его с селением Manglora (Manglaur, *Mañgal-arura* на карте *Фуше*) у верховьев *Свата*.

⁷⁹ Кшанти-риши – к. *Женьъю-сянь*. Напоминаемая читателю история соответствует XXXVIII джатаке «Джатакамалы» («О Кшантивадине») и палийской джатаке № 313. Имя царя (*Хэли*), расчленившего тело риши, восстанавливают как *Kali* (*Beal*. Op. cit. V. 1. P. 168) в соответствии с китайским комментарием («ссора», «вражда»).

⁸⁰ Великие горы – здесь паломник находился вблизи Гималаев, к востоку от совр. хребта *Хиндурадж*.

⁸¹ Дракон *Апалала* – тр. *Апололо*; *Уоттерс* (Op. cit. V. 1. P. 229) комментирует восстановление его имени на основании китайского варианта-перевода – «Без-соломы» (*palāla* – «солома», *apalāla* – то же с отрицанием). Не ясно, почему *Феер* причислил рассказ об *Апалале* к джатакам (*Feer*. Op. cit. P. 154): Будда здесь не выступает в образе прежде рожденного бодхисаттвы, и нет соответствий среди индийских джатак.

⁸² *Цзинчжи* – *Жюльен* восстанавливает имя как *Gaṅgi*.

⁸³ Очевидно, что это та же Белая река, что и в конце данной легенды, поэтому перевод *С. Била* («the flowings of the mountain emitted a white stream») неуместен.

⁸⁴ *Ваджрапани* – *цзиньган-шэнь*, «дух ваджры».

⁸⁵ *Кашая* (*kaṣṭhā*) – монашеская одежда.

В 400 ли к югу от города Мэнхэли подошел к горе *Сило*⁸⁶. Здесь река течет на запад, а затем поворачивает на восток, в сторону верховьев. Всевозможные цветы, диковинные плоды в изобилии заполняют долины ручьев и берега реки. Горы и пропасти грозны и опасны, извилисты долины горных рек. И слышатся здесь то будто голоса, то звуки музыки. Квадратные камни, похожие на сиденья – как будто человеческой работы – выстроены один за другим, протянувшись чередой вдоль берега. На этом месте Татхагата в прошлом рождении ради того, чтобы выслушать половину гатхи, [излагающей] учение, принял решение пожертвовать своим телом⁸⁷.

В 200 ли на юг от города *Мэнхэли* прибыл к монастырю Махавана⁸⁸, расположившемуся на склоне горы. В прошлые времена, пребывая в облике бодхисаттвы, Татхагата прибыл сюда под именем царя *Сафудада*: скрываясь от недруга, он покинул свою страну. [Здесь] он встретил брахмана, просившего подаяния. Потеряв свой престол, не имея ничего, чтобы подать милостыню, он велел связать себя и выдать, как пленника, врагу-царю, желая, чтобы тот дал [брахману] вознаграждение, которое заменило бы подаяние⁸⁹.

В 30–40 ли к северо-западу, спустившись с горы от монастыря Махавана, прибыл в монастырь *Моюй*⁹⁰. Здесь ступа высотой 100 чи. Рядом – большой квадратный камень. На нем – след ноги Татхагаты. Будда ступил на этот камень в то время, когда, излучая бесчисленные лучи света, осветившие и монастырь Махавана, он рассказывал всем людям и богам историю своих прежних рождений. В основание этой ступы положен камень, цвета желто-белого, который часто источает чистое масло. Здесь Татхагата еще в облике бодхисаттвы, слушая истинное учение, расколол /свою/ кость и записал ею слова канона⁹¹.

В 60–70 ли на запад от монастыря *Моюй* есть ступа, построенная царем Ашокой. Когда Татхагата пребывал в облике бодхисаттвы под именем царя Шибика, [он], стремясь обрести плод Будды, отрезал [кусок] тела, чтобы дать орлу взамен голубя⁹².

В 200 ли на северо-запад от [ступы] «Замены Голубя» – вошел в долину *Шаньнилошэ*⁹³, подошел к монастырю *Сабаошади*⁹⁴. Здесь – ступа высотой 80 чи. Татхагата

⁸⁶ Гора *Сило* – судя по описанию, это горная местность к югу от долины Свата в той ее части, где река течет в западном направлении.

⁸⁷ Эта джатака не имеет аналогов в индийских сборниках джатак, но присутствует в «Аваданапатаке» (Ав.-ш. XXXV; соответствие найдено Феером – Op. cit. P. 154, 158). Здесь восстанавливаются подробности, которых не дает Сюань-цзан: бодхисаттва, носивший имя *Сигйра*, выслушал первую половину гатхи из уст якши, в облике которого выступал Индра, и отдал свое тело на съедение этому якше ради того, чтобы услышать вторую половину. Уоттерс указывает на параллели в текстах китайского канона (Op. cit. V. I. P. 232).

⁸⁸ Монастырь Махавана – тр. *Мохэфана*; китайский комментарий дает вариант-кальку *Далинь* (Большой Лес), что позволяет легко интерпретировать транскрипцию.

⁸⁹ Царь *Сафудада* – на основании пояснения китайского комментария имя восстанавливается как *Sarvadā* или *Sarvadada* (Beal. Op. cit. V. 1. P. 170; Watters. Op. cit. V. 1. P. 233). Феер нашел аналог этой джатаке в повествовании «Кармапатаки» (X, 2) о царе Махендрасене (Op. cit. P. 154).

⁹⁰ Монастырь *Моюй* – не ясно, почему Жюльен и Бил дали транскрипцию *Мосу*, что вызвало недоумение еще Уоттерса. Соответственно их восстановление слова как *masūra* – «чечевица» имеет основание лишь в китайском комментарии, который дает перевод названия как *доу*. Уоттерс предложил вариант *Мауйкха* – «луч», «свечение», который имеет согласование с передаваемым здесь преданием.

⁹¹ Бил не комментирует этой легенды. Соответствие этой джатаки «Дзанггуну» отмечено Феером, и затем Уоттерсом (Feer. Op. cit. P. 154, 158–159; Watters. Op. cit. V. 1. P. 234; Der Weise und der Tor. S. 15–16). В последнем тексте бодхисаттва носит имя *Udrala*.

⁹² Шибика – тр. *Шибичзя*; джатака о царе Шибид, спасшем голубя, присутствует в тибетском «Дзанггуну» (I; Der Weise und der Tor. S. 16–17), а также у Фа-сяня (IX). Добуддийский вариант легенды содержится в «Махабхарате».

⁹³ Долина *Шаньнилошэ* – отмечена на карте А. Фуше как правый приток Свата, однако по тексту скорее левый. Указываемый в тексте маршрут выводит к долине с юго-востока: идя «на северо-запад... вошел в долину *Шаньнилошэ*»; кроме того, паломник не говорит здесь о переправе через реку (что постоянно присутствует в окружающем тексте) и при дальнейшем передвижении остается еще на восточном берегу.

⁹⁴ Монастырь *Сабаошади* – С. Жюльен (Op. cit. T. 1. P. 137) на основании китайского комментария восстановил название как *Sarpaushadhi* (*Sarpaushadhi* – «змея-лекарство»), что согласуется с преданием об Индре-змее, исцелившем людей.

в прошлые времена жил в облике Владыки Шакры⁹⁵. Случился голодный год, и начался мор, никакие целебные средства не действовали, дороги были забиты умершими. Владыка Шакра, полный сострадания, решил прийти на помощь [людям]. Изменив свой облик, он явился огромным питоном, который упал замертво в речной долине, и по воздуху разнеслась молва [об этом]. Услышавшие возрадовались и чередой поспешили [к тому месту]. По мере того, как отрезали [куски его тела, оно] вновь нарастало. Голод был утолен, болезни излечены⁹⁶.

Неподалеку есть большая ступа *Сумо*⁹⁷. Когда Татхагата в прошлые времена жил в облике Владыки Шакры, и мир был охвачен мором, он, жалея всех живых существ, превратился в змея *Сумо* и накормил всех мясом [своего тела] – не было никого, кто бы не насытился⁹⁸.

На северном скалистом берегу реки *Шаньнилошэ* стоит ступа, к которой приходят молиться об исцелении от болезней, и многие выздоравливают. В прошлые времена Татхагата в облике царя павлинов прибыл сюда вместе со своей стаей. Они были измучены зноем и жаждой, искали воды, но не находили. Царь павлинов ударил клювом по скале – и забил родник, разлившись потоком⁹⁹. Ныне он превратился в озеро, где излечивают недуги питьем воды и купанием. А на скале до сих пор есть следы павлинов.

В 60–70 ли к юго-западу от города *Мэнхэли*, на восточной стороне большой реки¹⁰⁰, есть ступа высотой 60 чи, построенная царем Уттарасеной¹⁰¹. В прошлые времена Татхагата накануне «гасания» объявил всему миру: «После моей нирваны царю Удьяны Уттарасене суждено получить долю мощей». Когда цари собрались на разделение мощей, царь Уттарасена прибыл с опозданием, и потому его встретили с пренебрежением. Тогда все боги и люди возвестили о предсказании Татхагаты, и [царю] выделили равную долю. И он отправился в путь в родную страну, чтобы с должным ритуалом воздвигнуть ступу. На берегу Великой реки есть большой памятный камень, похожий на слона: в то время царь Уттарасена, возвращаясь в эти места, вез мощи, сидя на большом белом слоне; внезапно слон упал замертво и превратился в камень. Впоследствии рядом с этим местом поставили ступу.

В 50 ли к западу от города *Мэнхэли* переправился через Великую реку. Прибыл к ступе *Лусидацзя*¹⁰², высотой около 50 чи, построенной царем Ашокой. В прошлые времена Татхагата, пребывая в мире в качестве бодхисаттвы, принял облик царя большой страны по имени *Цыли*. На этом месте он разрезал свое тело, чтобы кровью насытить пятерых якшей¹⁰³.

В 30 ли к северо-востоку от города *Мэнхэли* подошел в каменной ступе *Эбудо*¹⁰⁴ высотой около 40 чи. Здесь в прошлые времена Татхагата произнес проповедь перед

⁹⁵ Владыка Шакра – *Ди-ши*, Индра.

⁹⁶ Джатака об Индре соответствует тексту «Дзанглуна» (XXXVI) и перекликается также с легендой «Аваданашатаки» (XXXI) о царе, превратившемся в рыбу, тело которой исцелило людей (Feer. Op. cit. P. 159–160).

⁹⁷ Ступа *Сумо* – Жюльен предлагает название *Sūma* («вода»), имея в виду, что далее идет сочетание *сумо-шэ*, понимаемое им как «водяной змей» (*Julien. Op. cit. P. 138*). Проще, наверное, видеть в *Сумо* имя легендарного змея.

⁹⁸ Речь идет о предыдущей джатаке (прим. 97).

⁹⁹ Передаваемой здесь Сюань-цзаном джатаке о бодхисаттве – царе павлинов не найдено аналогов.

¹⁰⁰ Большая река – судя по данным ориентирам, речь идет о реке Сват.

¹⁰¹ Царь Уттарасена – тр. *Ваталосина*.

¹⁰² *Лусидацзя* – восстанавливается как *Rohitaka*, «красный» (*Beal. Op. cit. V. 1. P. 172; Waters. Op. cit. V. 1. P. 237*). Уоттерс считает, что это название города (*Major Dean – город Nazara – ? Waters. Op. cit. P. 138*).

¹⁰³ *Цыли* («Сила любви») – китайская версия имени *Maitrībala*. Упомянутая здесь джатака о насыщении пяти якш телом царя соответствует восьмой джатаке Арьяшуры («О Майтрибале»), не имеющей аналогов среди джатак палийского канона.

¹⁰⁴ Ступа *Эбудо* – предположительно *Adbhuta* – «чудесная» (*Beal. Op. cit. P. 172*), что соответствует преданию о ее чудесном возникновении.

всеми людьми и дэвами. После того как Татхагата ушел, [она сама] выросла из земли. Простой народ глубоко чтит [ступу], беспрерывно принося благовония и цветы.

В 30–40 ли к западу от каменной ступы, переправившись через Великую реку, подошел к одной обители. В ней есть статуя бодхисаттвы Авалокитешвары¹⁰⁵ – величественная, прославленная таинственными чудесами. Сюда устремляются монахи, и почитание [статуи] не прекращается.

В 140–150 ли к северо-западу от статуи бодхисаттвы *Гуаньцзыцзай*¹⁰⁶ подошли к горе *Ланьболу*¹⁰⁷. На вершине горы – драконье озеро, около 30 ли в окружности. Прозрачные волны бегут по широкой водной глади, чистейшая вода сияет, как зеркало.

Некогда царь Вирудхака¹⁰⁸ напал на шакьев. Четверо [из них] стойко сопротивлялись, но сородичи приговорили их к изгнанию, и они разошлись по свету – кто куда. Один из шакьев, покинув свою страну, был изнурен долгим странствием и упал в изнеможении прямо посреди дороги. В тот же миг к нему подлетел дикий гусь – совсем как ручной, как будто предлагая подойти к нему и сесть на спину. И вот гусь полетел ввысь, – опустился же он у этого озера. Так, странствуя по воздуху, шакья¹⁰⁹ попал в далекую незнакомую страну. Побрел он, сам не зная куда, и, наконец, лег и задремал под тенистым деревом.

А младшая дочь дракона – [хозяйина] озера – как раз вышла на берег погулять. Внезапно увидев шакью, она, не испытывая должной боязни, приняла человеческий облик, подошла и ласкала его. Шакья очнулся и говорил ей, полон благодарности: «Ведь я чужеземец, я изможденный человек. Видя это, почему вверяешься [мне]?». И, движимый искренним чувством, он стал настаивать, чтоб [она] спозналась [с ним]. А дева [ему] говорит: «Отец с матерью дали мне наказ, который я чтю и не нарушаю. Если я втайне привечу [тебя], то не исполню родительского повеления». Шакья спрашивал: «Кругом горы и долины, дремучие места – где живешь ты?» [А она] отвечала: «Я дочь дракона этого озера. В благоговении перед [твоим] священным родом я слыхала, что, покинув родину, он скитается и терпит бедствия. Мне выпало счастье, совершая прогулку, обласкать [тебя], упавшего в изнеможении. [Ты] велишь мне разделить с тобою ложе – но я не выслушала еще, какова будет [родительская] воля. Ведь разве не за накопленные грехи [я] получила это драконье тело? У людей и животных – разные пути, и не слыхано, [чтобы они могли сойтись?]. Шакья сказал: «Лишь одно твое слово – и я исполню [твое] заветное желание». Драконова дочь говорит: «Я покорна твоей воле. Пусть будет так». И шакья произнес тогда, как заклинание: «Силою обретенных мною заслуг – пусть эта дочь дракона получит настоящую плоть человека». И силою заслуг драконье существо изменило свое обличье, обрело тело человека.

Оглядев себя, [она] возликовала и, преисполнившись благодарности, рассказала шакье: «Я накопила дурную карму, и в круговороте перерождений странствовала по бедственному пути. Счастливым случай снизошел ко мне, и силою накопленных [тобой] заслуг тело, страдавшее в течение долгих кальп, изменилось в единый миг. Я так хочу отплатить тебе за добро, [но ведь за это] и разбиться оземь – недостаточная благодарность. Всем сердцем желаю сопровождать [тебя] в [твоих] странствиях. Но, чтобы избежать пересудов, мне нужно объясниться с отцом и матерью, – лишь потом я готова служить тебе. И драконова дочь, вернувшись в озеро, объясняться с от-

¹⁰⁵ Бодхисаттва Авалокитешвара – здесь тр. *Афолуцзидишиффало*.

¹⁰⁶ Бодхисаттва *Гуаньцзыцзай* – китайское имя Авалокитешвары.

¹⁰⁷ Гора *Ланьболу* – указанное место находится в горах между самыми верховьями Свата и долиной Панджкоры. Здесь Сюань-цзан видит место действия приводимой далее легенды о шакье, основателе династии царей Удяны.

¹⁰⁸ Царь Вирудхака (*Virūdhaka*) – тр. *Пилушицзя* (*Beal*. Op. cit. V. 1. P. 173; *Watters*. Op. cit. V. 2. P. 315). История изгнания четырех шакьев из Капилавасту подробно излагается Сюань-цзаном в VI цзюане («Капилавасту»).

¹⁰⁹ Шакья – *ши-чжун*, «потомок рода шакьев»

цом и матерью, говорила им так: «Нынче, совершая прогулку, [я] внезапно встретила шакью. Благодаря силе своих заслуг он превратил меня в человека. Мы полюбили [друг друга] и порешили о дружбе и согласии. Вот я и рассказала вам все, как было». Царь драконов был сердечно рад тому, что ей назначена человеческая судьба, и, искренно почитая священный род [шакьев], согласился на просьбу дочери. Он вышел из озера и, выражая благодарность, сказал шакье: «Не погнушавшись существом иной природы, [ты] снизошел [к нему], сблизился с низшим. Прошу тебя, удостоим своим посещением мое жилище, где услугу тебе сполна». Приняв приглашение царя драконов, отправился шакья в его обиталище. И правда, в драконовом дворце родня встречала жениха с должным почтением и лаской, но они подняли такое разнузданное и безудержное веселье, что шакья, глядя на них в их драконьем обличье, в душе почувствовал отвращение и хотел было выйти, чтобы избавиться от них. Но дракон стал удерживать его, говоря: «Будь благосклонен, не покидай мое скромное жилище. [Я] передам тебе во владение [все] земли в окрестностях этого жилища. [Они] отмечены добрым знаком. Все [здесь] будут служить тебе, и будешь счастливо и долго править из поколения в поколение». Благодарил его шакья: «И не смею надеяться на то, о чем говоришь». [Тогда] царь драконов, положив в ларец драгоценный меч и покрыв его прекраснейшей белой тканью, обратился к шакье с такими словами: «Соблаговоли взять эту ткань и поднеси [ее] в дар царю [этой] страны – царь непременно примет его, как дань чужестранца. И в тот самый миг [ты] убей царя и захвати власть над этой страной. Разве это не хороший [план]?»

Получив наставление дракона, шакья тотчас отправился к царю Удьяны для подношения даров. Когда же передавал полотно шакья, то схватил его за рукав и пронзил [мечом]. Тогда царские приближенные и телохранители, придворные всех рангов замесались с криком, а шакья, взмахнув мечом, провозгласил: «У меня в руках меч, полученный от чудесного дракона – для того, чтобы наказать нерадивых, для того, чтобы казнить непокорных!». И все, убоявшись его волшебного могущества, выразили свою покорность, как великому властителю. Он искоренил злоупотребления и установил порядок, возвысил мудрых и оказал покровительство немощным. Затем, в сопровождении большой свиты, царским выездом он двинулся в путь, направляясь во дворец дракона, чтобы доложить об исполнении его повелений. Вместе с драконовой дочерью вернулся он в столицу.

А [злая] карма драконовой дочери не была еще исчерпана, часть воздаяния еще оказывала свое действие: всякий раз, когда она шла ко сну, из головы ее вырастал девятиконечный верх драконова тела. У шакьи это вызывало отвращение. Не зная [другого] средства, он улучил момент, когда она заснула, и отрубил его острым ножом. Драконова же дочь, пробудившись, говорит: «Это не принесет пользы твоему потомству. Не только моя судьба понесет свои – небольшие потери, но и сыновья твои, и внуки – надолго впредь будут страдать от головной боли». Потому-то [царский] род этой страны постоянно терпит такую болезнь, проявляющуюся хотя и непродолжительными, но иногда сильными приступами. Когда шакьи не стало, престол унаследовал его сын, известный под именем царя Уттарасены.

Вскоре после того, как царь Уттарасена принял в наследство престол, его мать потеряла зрение. Татхагата же, совершая обратный путь после покорения дракона Апалалы, путешествуя по воздуху, опустился посреди этого дворца. Царь же Уттарасена как раз в это время отправился на охоту. Ради исцеления его матери Татхагата произнес проповедь об основах учения. Восприняв чудодейственную силу учения, [она вновь] обрела зрение. И спросил [ее] Татхагата: «Твой сын – моего рода. Где он сейчас?» Мать ответила: «Он сейчас выехал на охоту. Вот-вот вернется домой». Татхагата вместе с сопровождающими уже собирался отправиться в дальнейший путь, и мать сказала [ему]: «Силою обретенных [в прошлом] заслуг я родила наследника священного рода. Татхагата в великодушии своим удостоил [нас] своим посещением. Мой сын сейчас вернется. Останься ненадолго и подожди его!». [Но] Владыка мира произнес: «Этот человек – моего рода, и он может, [лишь только] прослышав о по-

учении, обратиться к вере. Не нужно [моего] личного наставления, чтобы он утвердил веру в сердце своем. Когда я уйду – [он] вернется, [а ты] передай ему: “Сюда приходил Татхагата. [Теперь он] отправился в город *Цзюйши*¹¹⁰, [в то место], что между деревьями *Соло*¹¹¹, [и там] навечно войдет в нирвану. [А тебе] самому следует [взять его] чудодейственные мощи и совершить приношение [в ступу]”».

И Татхагата вместе со свитой поднялся в небо и скрылся. А царь Уттарасена, пребывая на охоте, издалека увидел – горит ослепительный свет. Подозревая пожар, он бросил охоту, вернулся домой и видит, что мать прозрела. Возрадовался он и спрашивает: «Сколько же времени меня не было, что случилось такое чудо, как это случилось, что моя возлюбленная мать обладает зрением, как было прежде?» И мать рассказала: «Как только ты уехал, сюда явился Татхагата. [Я] слушала [самого] Будду, проповедующего учение – и вот вновь обрела зрение. Отсюда же Татхагата отправился в город *Цзюйши*, [в то место], что между деревьями *Соло*, чтобы навечно войти в нирвану. А тебе повелел [он] скорее отправляться за своей долей чудесных мощей». Лишь услышал об этом царь, как закричал горестно и повалился наземь. Придя же в себя, повелел поспешно снаряжаться в путь. Прибыл он к [месту, где стоят] два дерева – а Будда уже вошел в нирвану. Сначала цари разных стран пренебрежительно отнеслись к нему, как [приехавшему] из окраинных земель, и не хотели с ним делить драгоценные мощи. Тогда боги, собравшись вместе, дважды провозгласили волю Будды. И услышав это, цари сразу вручили [ему] равную долю [мощей].

От города *Мэнхэли* [шел] на северо-восток. Миновал горы, перешел долины. Вверх по реке *Синьду*¹¹² дороги становятся опасны, а горы и долины мрачны и дики. То ступаешь по канатам, то хватаешься за острия. Пробиты узкие тропы, ведущие над пустотой, и проведены висячие мосты, весьма опасные, выбитые [в скале] ступени взбираются ввысь. Шел около тысячи ли. Прибыл к реке *Далило*¹¹³, подошел к прежней столице Удяны. [Здесь] добывают много желтого золота, а также ароматную куркуму. На реке *Далило*, в большом монастыре, есть статуя Милосердного бодхисаттвы¹¹⁴, вырезанная из дерева. Она сияет золотым цветом, имеет прекрасный облик и обладает тайною силой. Высотой – около ста чи, создана архатом Мадхьянтикой¹¹⁵. Архат с помощью чудесных сил вознес ваятеля на небеса Тушита¹¹⁶, чтобы он своими глазами увидел [бодхисаттву]. Лишь в третий раз возвратившись оттуда, он смог закончить статую. [И тогда] учение дало восточное ответвление.

Отсюда шел на восток. Миновал горные хребты, преодолел долины. Вверх по реке Синьду страшно идти по висячим мостам, и броды опасны. Преодолев 500 ли, прибыл в страну *Болуло*¹¹⁷.

¹¹⁰ Город *Куши*, *Куши-чэн* – тр.-к., Кушинагара, место паринирваны Будды; здесь *-nagara* («город») передано переводом.

¹¹¹ «Между деревьями *соло*» – место паринирваны Будды; *соло*, *солошу* – дерево шорея (БКРС).

¹¹² Река *Синьду* – Инд.

¹¹³ Река *Далило* – по Каннингхэму (Op. cit. P. 69–70) Дарел, правый приток Инда в той части его долины, где Сюань-цзан, двигаясь вверх по течению, вошел в область Гималайских гор.

¹¹⁴ Милосердный бодхисаттва – *цы-ши пуса*, имеется в виду Авалокитешвара.

¹¹⁵ Архат Мадхьянтика – тр. *Мотьяндицзя*.

¹¹⁶ Небеса Тушита – тр. *Душидоу*.

¹¹⁷ Страна *Болило* – Каннингхэм предложил отождествление *Болило*, интерпретируемое как *Bolog*, с Βόλτος Птолемея и с «modern Balti» (Op. cit. P. 70–71). Совр. селение Балтит на р. Хунзе – притоке Гилгита – находится высоко в горах Каракорума. Сюань-цзан дает описание местности как расположенной «посреди Великих Снежных гор» и вытянутой с востока на запад, и автор «Географии» размещает ее вдоль долины Инда между горами Деосаи и Каракорумом. Неизбежно возникает сомнение в том, действительно ли паломник совершил столь длительный поход (туда и обратно) через горную страну лишь для того, чтобы убедиться, как здесь «люди по характеру грубы и жестоки... с виду дики и неопрятны», а монахи «в учености не совершенствуются».

Страна *Болуло* в окружности около 4000 ли. Расположена посреди Великих Снежных гор. Вытянута с востока на запад, сужена с юга на север. Много пшеницы и бобовых. Добывают золото и серебро, и торговля золотом дает большие доходы. Климат резко холоден. Люди по характеру грубы и жестоки, пренебрегают гуманностью и справедливостью, а о правилах приличия и не слышали. С виду дики и неопрятны, носят грубую шерстяную одежду. Знаки письменности очень схожи с индийскими, язык отличен от других стран. Монастырей насчитывается сто, монахов – тысяча человек; в учении они не совершенствуются, в соблюдении монашеских правил распуценны.

Отсюда вернулся в город *Удоцзяханьча* и, следуя на юг, перешел реку *Синьду*. Река шириной 3–4 ли, течет на юго-запад. Воды ее, сияя зеркальной чистотой, катятся шумными волнами. Свирепые драконы и дикие твари прячутся в ее глубинах. Если кто перевозит драгоценности, цветы или фрукты редких сортов, лодка непременно будет потоплена шквалом. Переправившись через реку, прибыл в страну *Такшашилу*.

*Страна Такшашила*¹¹⁸ в окружности около 2000 ли. Столица в окружности около 10 ли. [Местные] князья соперничают ... Царская династия прервана. Прежде [эта страна] была подвластна Капише, теперь же находится в подчинении у Кашмира. Земли плодородны, дают богатый урожай хлеба. Множество рек. Цветы и фрукты в изобилии. Климат мягкий, теплый. Характер народа легкий и храбрый. Почитают «Три Сокровища». Хотя монастырей много, они находятся в сильном запустении; монахов совсем мало. Исповедуют учение махаяны. В 70 ли к северо-западу от столицы есть озеро нага *Илободало*¹¹⁹, в окружности около 100 бу. Воды его чисты и прозрачны, пестреют цветами лотосов – разного цвета, но равно великолепными. Этот дракон во времена Кашьяпы Будды был бхикшу, который поломал дерево *Илободало*. Именно поэтому, когда ныне приходят из других земель к этому озеру молиться о дожде или солнечной погоде, то обязательно вместе со шраманом. И [любая] просьба в миг исполнится сообразно заслугам [просящего].

От драконова озера шел на юго-восток около 30 ли, вошел в проход между двумя горами. [Здесь] имеется ступа, построенная царем Ашокой, высотой около 100 чи. Существует пророчество Шакьи Татхагаты: в то время, когда придет в мир Майтрейя и будут существовать «четыре великих сокровища»¹²⁰, то одно из них – именно в этом месте.

В старинных преданиях говорится: когда случаются землетрясения и повсюду содрогаются горы, то в окружности 100 бу (от этого места) нет сотрясения. Как рассказывают, один неразумный человек в безрассудстве своем стал раскапывать [это место] – земля стала содрогаться, и тот человек упал ниц.

Поблизости есть монастырь – в развалинах и запустении, [и в нем] давно уже нет монахов.

В 12–13 ли к северу от города есть ступа, построенная царем Ашокой. Когда наступают дни поста, она ярко светится, и с неба сыплются цветы. Есть такое преда-

¹¹⁸ Такшашила – тр. *Дачашило*.

¹¹⁹ Дракон Элапатра (*Elāpatra*) – тр. *Илободало*; известен в индийском предании как хранитель сокровища (прим. 120). Китайские версии легенды о бхикшу Элапатре (Элапаттре?), превратившемся в дракона, пересказывает Уотгерс (Op. cit. V. 1. P. 242–243): раздраженный бхикшу поломал священное дерево *Elā* (*Ила*) и не вынял увещаниям Будды Кашьяпы, за что в будущем рождении принял облик дракона.

¹²⁰ Четыре великих сокровища – священные сокровища, каждое из которых охраняемо своим стражем:

*«atha catvāro mahārājās caturmahānidhiṣṭhāḥ /
Piṅgaś ca Kalingeṣu Mithilāyām ca Paṇḍukah /
Elāpatraś ca Gāndhāre Sankho Vārāṇasīpure //*
(Дивьявадана III. P. 61).

Упоминаемое здесь сокровище, очевидно, то из четырех, что связано с именем Элапатры. Легенда-пророчество о возвращении сокровищ вместе с явлением Майтрейи излагается здесь же в «Дивьявадане».

ние. В старинном предании говорится: в недавнее время жила женщина, больная проказой. Придя к ступе, она поклонилась и смиренно молилась. Увидев во дворах и помещениях грязь и нечистоты, она убрала их и подмела, поливая землю водой, [а затем] натерла благовониями и рассыпала цветы, и более того, устелила землю цветущими лотосами. Болезнь тотчас исцелилась, и внешность [женщины] стала еще красивее, и тело стало источать аромат, подобный запаху цветущего лотоса. Это же место знаменито тем, что здесь Татхагата, совершенствуясь в качестве бодхисаттвы, в облике царя большой страны пожертвовал [своей жизнью], отрубив голову¹²¹, и с тех пор отсекал ее в течение тысячи перерождений.

Рядом со ступой Отсечения Головы есть монастырь. Дворы и помещения его безлюдны, монахов совсем мало. Учитель Кумаралабдха секты саутрантика¹²² здесь создавал свои книги.

В стороне от города, с юго-восточной стороны, у северного склона южной горы есть ступа высотой около 100 чи, построенная царем Ашокой в память о тех событиях, когда сына его, царевича Куналу, лишили зрения из-за клеветы злой мачехи¹²³. Слепые [приходят сюда] молиться, и многим тогда возвращается зрение. Царевич тот, рожденный от первой царицы, отличался изысканной красотой, славился добрым нравом и почтительностью к старшим. Первая царица умерла, а новая жена [царя оказалась] строптивой и развратной. Дав волю своему темному началу, она пыталась совратить царевича. Царевич со слезами призывал ее отступить и повиниться, но мачеха, встретив отказ, пришла в ярость. Улучив подходящую минуту, она, будто походя, говорит царю: «Что, если власть над страной Такшашилой поручить [твоему] любимому сыну? Уже ныне царевич славится своей добродетелью и сыновней почтительностью, о его доброте и мудрости говорят все». Царь, введенный в заблуждение этими речами, легко поддался вероломному замыслу, и, тотчас призвав царевича, наставлял его, говоря: «Я получил власть по наследству и передаю далее наследие предков. Боюсь лишь одного: уронить честь моих царственных предков. Я ныне передаю тебе в управление пограничную область Такшашилу. Храни эту страну в мире, дела государства исполняй усердно. Человеческая натура податлива на слабости. Не полагайся безрассудно на недостаточно обоснованные решения. Каждый раз, когда получаешь [мой] приказ, проверяй оттиск моих зубов. Если печать будет у меня во рту, то как можно ее подделать?»

Получив приказ, царевич принял правление [в стране Такшашиле]. Шло время, но мачеха все была преисполнена злобы. Изготовив поддельный указ, она запечатала его краской для печатей и, когда царь заснул, оттиснула [на ней] зубы царя, а затем спешно послала гонца, вручив ему этот обвинительный указ. Советники (царевича) коленапреклоненно зачитали его и между собой сочли за ошибку. А царевич спрашивает [их]: «Чем вы так опечалены?» «Великий царь издал указ. В своем обвинительном письме он повелевает, чтобы царевичу выкололи глаза, а затем изгнали в горы, и вместе с женой предоставили его своей участи – жить или умереть. Хотя и получен этот приказ, пока не стоит подчиняться [ему]. Сейчас следует повторно просить прощения [у отца], изъявляя готовность принять на себя кару». [Но] царевич сказал: «Отец жалует [меня] наказанием. Как можно ослушаться? Вот печать с оттиском зубов. Все верно, и не может быть ошибки!» – и приказал чандале¹²⁴ выколоть глаза.

¹²¹ Джатака об отсечении головы известна из текста «Дивьяваданы», где бодхисаттва действует в образе царя Чандрапрабхи (Дивьявадана XXXII; *Feer. Op. cit. P. 154; Watters. Op. cit. P. 244–245*). Феер находит соответствующий сюжет и в «Дзанглуне» (*Op. cit. P. 154*).

¹²² Учитель Кумаралабдха секты саутрантика.

¹²³ Кунала (*Kunāla*) – тр. *Цзюйланьна*. Наиболее известная версия легенды о Кунале излагается в «Дивьявадане» (XVII).

¹²⁴ Чандала (*caṇḍāla*) – тр. *чжаньтуло*; «неприкасаемый». В данном случае лишь чандала, уделом которого была нечистая работа, мог выполнить такое поручение, как вырывание глаз.

И так – без глаз, лишенный света, [царевич ушел], прося подаяния, чтобы прокормиться. Скитаясь в изгнании по разным местам, он подошел к столице, где правил отец. И сказала жена царевича: «Вот он, царский город». «Увы! – [подумал царевич?] – В голоде, в холоде честно переносу страдания. Прежде – царский сын, а теперь – нищий бродяга. Хочу знать – неужели так тяжки мои прежние прегрешения?». И возник у него замысел. Вошел он в царский конный двор и, дождавшись ночной темноты, обратил полное слез лицо к прохладному ветру и запел протяжно горестным напевом, перебирая струны вины. Царь, сидя в высоком тереме, услышал изысканное пение, а слова той песни были необычайно жалобны. В удивлении царь спросил: «[Я слышу] пение и звуки вины. Так поет только мой сын! Но что сегодня привело его сюда? И он послал на конский двор – спросить, кто там поет». Привели [царевича], и предстал [перед царем] слепец. Царь узнал своего сына, и, сдерживая скорбь, спросил: «Кто нанес тебе увечье? Какое неожиданное горе – [мой] возлюбленный сын лишен зрения, и больше не сможет видеть (распознавать [вещей?])! Как же он будет вникать в дела многочисленных (досл.: всех) подданных? О, Небо! О, Небо! Как же пала справедливость!». Царевич горестно заплакал и с благодарностью отвечал: «Поистине из-за небрежения сыновним долгом [я] повинен перед небесами. В такой-то год, месяц и день [я] получил Ваш милосердный указ, и, не имея оснований не подчиниться [ему], не мог уклониться [от наказания]». Так царь узнал о беззаконии, совершенном его второй женой. Он не стал расследовать этого дела, а наложил должное наказание.

В то самое время в монастыре Дерева Бодхи жил великий архат [по имени] Гхоша¹²⁵, непревзойденный в «четырёх искусствах красноречия» и в полной мере овладевший «тремя проникновенными [знаниями]»¹²⁶. Царь представил ему сына и поведал его историю, и просил милосердствовать к горю, вернуть [царевичу] зрение. И тогда архат, получив просьбу царя, в тот же день объявил народу: «Послезавтра я буду (намерен?) говорить о сокровенной истине¹²⁷. Пусть каждый человек, который придет слушать Учение, принесет сосуд, чтобы собирать в него слезы». И тогда поспешно стал сходить народ из дальних и ближних мест; мужчины и женщины собрались толпой. В то время, когда архат говорил о двенадцати ниданах¹²⁸, каждый, кто слушал учение, не мог удержаться от слез, и те слезы были собраны в сосуды, которые люди держали в руках. Когда проповедь закончилась, архат слил воедино это обилие слез; поместив их в золотой чан, он молитвенно произнес: «Я говорил о высшей истине Будды. Если Закон не истинен и сказанное ошибочно, то – увы! Если же это не так, то пусть этими обильными слезами будут умыты ослепшие глаза, и вернется им свет, и будут они видеть так же зорко, как прежде». Проговорив эти слова, [архат] омыл глаза [царевича], и он тотчас прозрел.

После этого царь стал расследовать вину министров и допрашивать всех чиновников. Одних он уволил, других сместил, третьих переселил, четвертых приговорил к смерти. Людей же наиболее влиятельных в народе [из виновных] сослал в пустыню, что находится к северо-востоку от Снежных гор¹²⁹.

Отсюда шел на юго-восток, пересекая горы и долины, – около 700 ли, и прибыл в страну Сэнхэбуло.

Страна Сэнхэбуло¹³⁰ в окружности 3500–3600 ли. Западной границей служит река Синду. Столица в окружности 14–15 ли; обрывистые горы, как стены, защищают

¹²⁵ Гхоша (Ghoṣa) – тр. Цюйша (Beal. Op. cit. V. 1. P. 183; Watters. Op. cit. V. 1. P. 246).

¹²⁶ «Три проникновенных [знания]» – сань мин, прим. 21.

¹²⁷ Сокровенная истина – мяоли.

¹²⁸ Двенадцать нидан (nidāna) – ши-ер инь юань, двенадцать звеньев причинно-зависимого происхождения (dvādaśāṅga praptyasamutpāda): неведение (avidyā), склонности, подсознательные движения (saṃskāra), сознание (vijñāna), имя и форма (nāmarūpa), шесть чувств (ṣaḍāyatana), прикосновение (sparśa), ощущения (vedanā), желания, страсти (trṣṇā), привязанность (upādāna), существование (bhava), рождение (jāti), смерть (jarāmaraṇa).

¹²⁹ Пустыню, что находится к северо-востоку от Снежных гор.

¹³⁰ Страна Сэнхэбуло восстанавливается как Симхапура (Beal. Op. cit. P. 184).